

Руслан Мельников
Купец
Серия «Terra Mutantica», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3748295
Купец : [фантаст. роман] / Руслан Мельников: АСТ, Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-076341-2, 978-5-271-38132-4

Аннотация

Вся Европейская часть России, столетия назад подвергшаяся мощному ракетному удару, теперь представляет собой огромный неконтролируемый Котел, в котором бурлит дикая и неведомая жизнь. Города лежат в руинах, повсюду разрослась опасная фауна, расплодилось жуткое зверье, рыскают банды и кланы дикарей-мутантов.

Молодому купцу Сибирской торговой гильдии Виктору Тесову по прозвищу Золотой не привыкать к далеким походам и рискованным авантюрам. Но, отправляясь в очередную экспедицию, он и представить себе не мог, во что она выльется...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Русла Мельников

Купец

ПРОЛОГ

В кабаке, расположенном посреди наемнических кварталов, было как всегда. То есть шумно, грязно, дымно, пьяно. Но пьяно в меру. И, несмотря на обилие оружия, вполне безопасно.

Ничего странного: патрули княжеских дружинников следили за кварталами наемников с особым тщанием, так что здесь, как и во всем Сибирске-на-Оби, царил порядок. За пьяный дебош, драку и тем более убийство, совершенное в стольном граде великого княжества Сибирского, запросто можно было лишиться головы, вылететь за городские стены или отправиться в вечную ссылку на прикотловые заставы. Наемники об этом знали. Буйных и дураков среди них не было.

Молодой купец сибирской Купеческой гильдии Виктор Тесов по прозвищу Золотой вошел в забитый вооруженными людьми кабак, даже не прикоснувшись к торчащему из-за пояса пистолю-самопалу и не дотронувшись до рукояти палаша. Здесь это было лишнее. Здесь ни к чему всякий раз хвататься за оружие. Здесь спокойно. Здесь – Сибирск.

Виктор огляделся.

Знакомая картина. Просторный зал. Присыпанный опилками пол. Маленькие, но частые окошки. Кондовые деревянные столы и тяжелые скамьи – вперемешку с легкой поцанной и потрескавшейся пластиковой мебелью, оставшейся после Бойни. Гул голосов, острый запах человеческого пота и дразнящие ароматы с кухни...

В центре зала между бревенчатыми подпорками-колоннами тихонько бренчит на гитаре седой Сказитель. Аккомпанируя себе легким перебором струн, старик читает былинку о жизни до Бойни. Былина, судя по всему, не новая: Сказителя слушают немногие, да и то вполуха.

За массивными дощатыми столами и «кафешными» столиками из пластика сидят наемники. Перекусывают, пропускают по кружечке, ведут неторопливые беседы. Любой из бойцов готов прямо здесь заключить сделку с заказчиком и немедленно приступить к работе, а потому все свое снаряжение посетители кабака держат при себе. Или на себе.

Шлемы, щиты, кольчуги, кожаные и металлические пластинчатые панцири, толстые курки с нашитым железом... У многих наемников доспехи усилены прочными пластиковыми вставками. На двоих Виктор заметил старинные кевларовые бронежилеты. У одного была такая же древняя каска-сфера с забралом из ударопрочного стекла и заштопанной тканевой обшивкой.

Ну и оружие, конечно. Висящее на поясе, прислоненное к столам, стульям, лавкам и стенам, сваленное грудками по углам, воткнутое в земляной пол и просто лежащее под ногами. Много оружия. Разное. Мечи, сабли, секиры, алебарды, копья, палицы, арбалеты, ручницы-самопалы...

А вон – словно выставленный напоказ пистолет в прохудившейся кобуре. Настоящий. «Макаров». Не чета пистолю с кремниевым замком, заткнутому за пояс Виктора. А там вон – охотничье ружье-двустволка с примотанным под дульным срезом граненым штыком. В кабаке было как минимум два Стрельца.

Но это все не то. Ага! Виктор увидел наконец что искал. Вернее, кого искал.

Он направился к дальнему угловому столику, за которым сидел в одиночестве невысокий крепыш с худощавым лицом, перечеркнутым шрамом по левой скуле. Наемник был

в старинном броннике, дополненном кольчужными рукавами и подолом, металлическими наплечниками и горловой защитой. На штанах нашиты железные бляхи и пластиковые наколенники. На сапогах закреплены пластины поножей. Доспех был выкрашен в зеленый лесной камуфляж.

Из-под подлокотника пластикового кресла в земляной пол упирались камуфлированные ножны длинного прямого меча, пригодного как для пешего, так и для верхового боя. На грубо сбитом деревянном столе лежали автомат Калашникова и клепаный шлем в зеленых пятнах, с наносником и кольчужной бармицей, прикрывающей затылок.

Наемник что-то сосредоточенно жевал. Он, как и те двое, с пистолетом и ружьем-двустволкой, тоже был Стрельцом.

Виктор подумал о том, что трех Стрельцов сразу в одном кабаке теперь увидишь нечасто. Простых-то стрелков много. Арбалетчики, лучники, бомбардные канониры, самопальщики, obsлуга тяжелых стрелометов... А вот Стрельцы встречаются все реже. Мало кто в наше время обладает старыми, до Бойни еще изготовленными, не испорченными, не поржавевшими, не изношенными и не убитыми от частого использования стволами. Мало кто обучен с ними обращаться, чинить их, правильно пристреливать и метко, не тратя понапрасну боеприпасов, убивать с их помощью. Мало кто использует сохранившиеся патроны не как ценный товар или ходовую обменную валюту, а по прямому назначению.

* * *

– Приятного аппетита, А-Ка, – пожелал Виктор обладателю автомата и меча. – Не помещаю?

– Золотой? – удивленно поднял бровь наемник-Стрелец. Затем улыбнулся, отчего шрам на его левой щеке чуть изогнулся. – Рад тебя видеть, дружище. Присаживайся.

Автоматчик-мечник кивнул на пустующий стул напротив. Крепкая жилистая рука сдвинула в сторону шлем и калаш, давший наемнику короткое и звучное прозвище.

– Не голоден, купец?

– Нет, А-Ка, спасибо, – качнул головой Виктор. – Я по делу. Поговорить надо.

– И, кажется, я догадываюсь о чем, – хмыкнул наемник. – Снова хочешь везти обоз?

– Хочу, – кивнул Виктор, глядя в глаза собеседнику. – Нужны люди. И хороший Стрелец, готовый возглавить охрану.

Виктор перевел взгляд на автомат собеседника.

– Лучше всего, если это будешь ты.

А-Ка ненадолго задумался.

– Я подозревал, что в Сибирске ты долго не усидишь, Золотой, – наконец произнес он, – но не думал, что придешь ко мне так скоро.

Виктор молча ждал.

– В прошлый раз мы едва уцелели. Потеряли много людей и почти весь твой товар.

– Я помню, – вздохнул Виктор. – Все помню. И сразу предупреждаю: в этой экспедиции будет не легче. Скорее, наоборот. Поэтому плата – две цены от обычного. Каждому участнику похода.

Наемник внимательно посмотрел на Виктора.

– Больше обещать не могу, А-Ка. Но это – гарантированный минимум. А мое слово крепкое – ты знаешь. Если торговля будет удачной и обоз вернется благополучно, каждый получит сверху столько же. Ну и Стрельцу – возмещение потраченных боеприпасов, разумеется. Как всегда.

– Две цены от обычного, говоришь? – прищурился А-Ка. – Звучит м-м-м... пугающе. Куда идти намылился?

– В Нижний Приуральск.

А-Ка тихонько присвистнул:

– Вот как! Рисковый ты парень. А впрочем... От тебя ведь иного ждать и не приходится.

И это мне в тебе нравится, купец.

– Так ты согласен, А-Ка?

Стрелец усмехнулся.

– А когда я отказывался?

– Значит, по рукам?

– По рукам, Золотой.

Они скрепили предварительный договор рукопожатием. Впрочем, уже можно сказать не предварительный, а состоявшийся. А-Ка, как и Виктор, умел держать слово.

Виктор улыбнулся. В глубине души он опасался, что после предыдущего неудачного похода Стрелец не согласится участвовать в новой экспедиции. Это было бы плохо. А-Ка был не просто надежным, неоднократно проверенным Стрельцом. Что важнее – он уже успел стать близким другом, на которого Виктор мог положиться в любой ситуации. Никакому другому наемнику купец не доверял так, как доверял этому автоматчику.

* * *

Хлопнула дверь. Звения железом и постукивая доспешным пластиком, в кабак вошли патрульные дружинники. Четверо хорошо экипированных латников. Двое с мечами, один с арбалетом, один с карабином. Тоже Стрелец. Только княжеский. На каждом поверх доспехов – накидка с гербом Сибирска: зеленый соболяк на белом фоне.

Дружинники осмотрелись. Молча, так и не проронив ни слова, вышли.

– Ишь, бдят... – усмехнулся А-Ка.

– И правильно делают, – ответил Виктор.

– Да, наверное, – согласился Стрелец. И вновь посмотрел на купца. – Золотой, это, конечно, не мое дело, но все-таки хочу задать один вопрос.

– Спрашивай.

– На какие шиши экспедицию снаряжаешь? Ты же в прошлый раз почти всего добра лишился. Товар с единственной оставшейся повозки сбрасывал, чтобы раненых везти. Неужели снова наторговал на поход?

Виктор поморщился. Вопрос был больной и неприятный. В принципе, на него можно было не отвечать, но Стрельцу лучше ответить.

– Наторгуешь здесь, как же, – вздохнул он. – Без дальних походов хорошей торговли в Сибирске не будет.

– Тогда как?

– В долги влез. Заложил, что было. Взял под процент чужой товар.

– Э-э-э, да ты еще более безбашенный, чем я думал, – неодобрительно покачал головой А-Ка. – А если опять обоз потеряем? Прогоришь ведь совсем. Из гильдии выгонят. В долговую яму попадешь или вообще за стену вышвырнут без права на возвращение и торговлю.

В окошко над столиком А-Ка хорошо видна была городская стена: наемнические кварталы располагались как раз возле нее. Высокая такая стеночка, надежная, неприступная, охраняемая бдительной стражей, она опоясывала весь Сибирск. По эту сторону стены можно было жить спокойно. С той стороны так уже не получится.

– Мои проблемы, – поджал губы Виктор.

– Ну-ну, – задумчиво покивал А-Ка. – Никогда не тянуло в купцы. И чем больше с тобой общаюсь, тем лучше понимаю почему. Ты уверен, что тебе это нужно, а, Золотой? Твердо решил идти в Приуральск?

– Да, – отрезал Виктор. – И давай больше не будем об этом.

– Как знаешь, – пожал плечами Стрелец. – А с другими купцами объединиться не пробовал?

Виктор покачал головой:

– Другие не хотят идти. Боятся. Возле Приуральска уже три обоза пропало. Что-то там в последнее время плохое творится. Видать, твари из-за Хребта опять лезут.

– О пропавших обозах я слышал, – вновь кивнул А-Ка. – Ну а если к княжескому каравану пристать?

– Не берут. Говорят, обуза не нужна – свой бы груз до Приуральска довести. И дорого получится за охрану дружинникам платить. Я сейчас столько не потяну. Да и вообще, – Виктор махнул рукой. – Князь тоже медлит с отправкой обоза. Выжидает. Так что по-любому самим идти придется.

– Тогда давай о деле, – посерьезнел А-Ка. – Сколько повозок берешь?

– Уже взял. Три. Две обычные, одна – автоповозка.

– Автоповозка – дорого, – заметил наемник.

– Дорого, – согласился Виктор. – Но без нее никак. Была бы у нас в прошлый раз автоповозка – не увязли бы на тракте.

– Ладно, тебе виднее. Вооружение на повозках есть?

– Малые бомбарды, стрелометы.

– Быкони?

– Как обычно. Тягловые и верховые. Теперь осталось только команду набрать. Не большую, но толковую. Поможешь? Ты ведь наемников знаешь как облупленных.

– А что, прежней команде прошлого похода хватило? – прищурился А-Ка.

Стрелец угадал.

– Не все такие сорвиголовы, как ты, А-Ка, – вздохнул Виктор.

– И как ты, Золотой, – не остался в долгу наемник.

– Так сможешь?

– Легко. Из свободных и толковых бойцов все сейчас здесь, в кабаке.

– Кого посоветуешь?

А-Ка обвел помещение задумчивым взглядом:

– Хм... Подходящие кандидатуры есть, конечно, но вот с кого бы начать-то? – пробормотал он, что-то прикидывая.

– Лекаря бы нам, – подсказал Виктор, вспомнив, сколько в прошлый раз было раненых и погибших от ран. – Хорошего. Желательно, чтобы и врачевать умел, и в бою подсобил, если что.

– Ах, ле-е-екаря... – А-Ка расплылся в странной улыбке. – Тогда тебе нужно начинать вербовку во-о-он с того типчика. Видишь, бычара в дальнем углу с кистенем на поясе?

– Ну.

– Костоправ это. Попробуй его уговорить.

Бородатый детина с мрачным отталкивающим лицом, облаченный в кожаную броню с металлическими и пластиковыми бляхами, не производил впечатление дружелюбного и общительного человека. Губы здоровяка недовольно кривились, глаза неприязненно смотрели из-под сведенных кустистых бровей. С пояса незнакомца свисала на цепи увесистая гирилка, усеянная небольшими шипиками.

Вообще-то этот бугай под два метра ростом больше походил на костолома, чем на костоправа. С таким не то что говорить не хотелось. Даже подходить к нему без особой нужды желания не возникало.

– Сразу предупреждаю: с ним будет нелегко, – заметил А-Ка.

– Почему? – спросил Виктор.

– Так... – А-Ка пожал плечами. – Нелюдимый он. Ругачий. Тот еще мизантроп.

– Ну а лекарь-то хороший?

– В Сибирске лучше не найдешь. Да и во всем княжестве, пожалуй.

– Как его звать?

– Я же говорю – Костоправ. Кликуха такая. Хотя я бы его назвал мозгоё-о... м-м-м, в общем, неважно.

– А кистинек у него на поясе – тоже чтобы кости править? – спросил Виктор. – Или мозги?

– Не-е, это для самозащиты, – усмехнулся А-Ка. – Он, кстати, кистенем прекрасно владеет. Равно как дубинкой, палицей, булавой и боевым цепом – малым или большим. А уж как при этом матом кроет, – Стрелец закатил глаза. – Заслушаешься. В общем, попытай счастья, купец. Только когда он тебя пошлет, сразу не уходи, не обижайся и в драку не лезь. Костоправ просто человек такой... непростой.

– А он пошлет?

– Непременно, – заверил А-Ка. – Он всех посылает. Как правило. Поначалу. Короче, Золотой, если сможешь вербануть Костоправа, то остальных и не заметишь, как уломаешь. Так что давай, дерзай...

Виктор поднялся из-за стола.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Длинная стремительная тень метнулась сверху неожиданно и бесшумно. Словно от лохмотьев слабо покачивающегося на ветру кронового мха вдруг оторвался и упал вниз большой тяжелый клочок.

Только никакой это был не мох. Зверь это был. Столь же ценный, сколь и опасный. Зверь, ведущий охоту на людей не менее успешно, чем люди охотились на него.

– Соболяк! – отчаянно крикнул кто-то из обозников.

Виктор оглянулся на крик.

Да, это был он! Соболяк. Гость из Котла. Жуткая помесь соболя и лисицы. Пушистый и безжалостный хищник-мутант, прыгающий по веткам с ловкостью белки и использующий в охоте тактику рыси.

Пропустив обоз, соболяк напал на Кирку – замыкающего всадника из верховой охраны. Зверь увернулся от поднятого копейного наконечника, сдернул человека с быконя и уже тащил трепыхающуюся добычу за обочину – в густые непролазные заросли.

Виктор схватился за пистоль, прекрасно понимая, что ничем не сможет помочь несчастному. Снаряженный картечью короткий самопал с раструбом на конце ствола хорош в ближнем бою против прущих толпой противников. Сделать из такого точный выстрел не получится. Картечь изрешетит обоих – и соболяка, и наемника-охранника.

В воздухе просвистели два арбалетных болта. Увы, стрелы цели не достигли. Первая вошла в землю, едва не пригвоздив бедолагу Кирку. Вторая лишь скользнула по плотному меху соболяка.

Однако утянуть добычу с тракта зверь все-таки не успел. В тишине леса грянул одиночный автоматный выстрел.

А-Ка, ехавший в голове колонны, пальнул из своего старенького калаша прямо с седла.

Стрелец редко промахивался. Не промазал он и в этот раз.

Голова соболяка взорвалась, забрызгав Кирку кровью, мозговым веществом и ошметками черепа. Но челюсти, вцепившиеся в плечо человека, так и не разжались.

* * *

К пострадавшему наемнику уже спешили трое. Виктор выскочил из автоповозки и рванулся к Кирке еще до того, как стихло эхо выстрела. А-Ка погнал своего быконя вдоль обочины, не забывая, впрочем, поглядывать на опасный подлесок и кроны деревьев, с которых запросто могла сверзиться еще одна тварь. От головной повозки вперевалку, по-медвежьи бежал Костоправ. На поясе лекаря словно хвост с кисточкой болталась шипастая гирька кистеня.

Из-за высоких бортов повозок полезли было и остальные обозники.

– Никому не высовываться! – крикнул Виктор на бегу. – Всем оставаться на местах!

– За лесом следите! – присовокупил А-Ка, прыгивая с седла: до раненого он добрался первым. – Прикрывайте! Оружие держите наготове!

Свой калаш Стрелец из рук не выпускал. Хотя напавший на обоз хищник был убит, это еще не гарантировало безопасности. Во-первых, соболяки пусть нечасто, но все же

охотились парами и даже небольшими группами. А во-вторых, выстрел, прогремевший в лесу, мог привлечь других котловых тварей. И не только тварей, кстати.

А-Ка поставил быконя так, чтобы животное прикрыло Кирку от леса. Умная скотина как в землю вросла. А толстая быконская шкура с костяными наростами и защитная попона из кожи вепря-рогача, свисающая почти до земли, – не самое плохое укрытие.

Но и не самое хорошее, конечно.

Стрелец положил автоматное цевье на седло, как на упор. Замер, готовый в любой момент открыть огонь по «зеленке», вплотную подступавшей к тракту.

– Зря ты вылез, Золотой, – попенял А-Ка Виктору, когда тот тоже подбежал к раненому.

Зря, конечно. Тут Стрелец прав на все сто. Проку от Виктора здесь немного, а обозные повозки с укрепленными бортами все-таки защитят от враждебного прикотлового леса лучше, чем быконский бок. Но просто так сидеть и ждать в своей автоповозке Виктор тоже не мог. За людей он беспокоился не меньше, а даже, пожалуй, больше, чем за товар. В конце концов, без верных людей и торговли не будет. Да и вообще...

– Прикрывай, – только буркнул Виктор в ответ. Будучи начальником обозной охраны, А-Ка может приказывать любому обознику, но купцу-анимателю Стрелец-автоматчик – не указ.

– Да прикрываю я, прикрываю, – отозвался А-Ка.

Виктор склонился над раненым.

– Как он? – Стрелец бросил быстрый взгляд в их сторону.

Кирка был весь в крови. Однако мертвым он не был. Пока, во всяком случае. Боец стонал и что-то мычал сквозь сжатые зубы. Шумно дышал длинным крюкообразным носом, давшим ему необычное прозвище.

– Живой, – ответил Виктор.

Он вставил ствол пистоля между зубами соболяка. Не без труда разжал челюсти мертвого хищника. На железе остались отчетливые отметины.

Мертвую тварь с развороченной головой Виктор отпихнул в сторону. Самое главное сделано. Зубы у соболяка нехорошие. Яда в них нет, но всякой дряни, нахватавшей в Котле, – полно. Если сразу не вытащить соболячий зуб из раны – жди воспаления.

А так рана у Кирки вроде бы не смертельная. Когти лишь раскромсали доспех. Два длинных крепких клыка прошли между металлических пластин. Проткнули бы шею – труп. Но до шеи хищник не дотянулся: видимо, помешало копьё Кирки. Зверь только плечо прокусил.

Правда, плечо обильно кровоточило. А когда Виктор извлек клыки – закровило еще сильнее.

Виктор придавил пальцем прокушенную жилу. Вроде бы крови стало меньше.

* * *

Подоспел Костоправ. Бухнулся на землю перед раненым. Оттолкнул Виктора: мол, не мешай, купец, раз врачевать не умеешь. Открыл лекарскую сумку. Что-то тихонько звякнуло. Булькнуло содержимое какой-то склянки.

Теперь Кирка был в надежных руках. Если Костоправ не поможет раненому, то этого уже не сделает никто.

Лекарь с недовольным видом, будто не он сам только что бежал сюда со всех ног, а его отвлекли по пустякам от какого-то по-настоящему важного дела, принялся колдовать над раной.

Кирка вскрикнул от боли.

– Не скули! – раздраженно шикнул Костоправ. – Дай рану промыть.

Еще один вскрик.

– Да не дергайся ты, мля! Считай, что тебе повезло, паря. Нос твой раскрутой не откусили, горло не перегрызли. В общем, рожа целая и жить будешь, а плечо зарастет. Тебе там только слегонца шкуру пожевали. Спокойно лежи, я сказал, мать твою, а то по шее схлопочешь! Мне перевязку затянуть нужно. Вот та-а-ак...

– М-м-м! – простонал Кирка.

– Ну-ка, вставай, симулянт долбаный! Идем к повозкам.

Костоправ бесцеремонно сграбастал раненого за шиворот и рывком вздернул Кирку – уже отошедшего от первого шока, но вновь зашуганного лекарем – на ноги. Повел к повозкам, поддерживая по пути. Со стороны, правда, казалось, что сам Кирка опасается лишнего раз опереться на сварливого здоровяка-медика. А может, и не казалось, может, так оно и было.

Вроде обошлось... Виктор выдохнул с облегчением. За время похода он уже успел изучить повадки обозного лекаря. Костоправ эскулап, конечно, тот еще, и методы обращения с больными у него своеобразные, но раз говорит будешь жить – значит, будешь. Заставит, даже если сам того не захочешь. И если лекарь сказал, что плечо зарастет, значит у него, у плеча этого, просто нет другой альтернативы.

Насчет «слегонца пожеванной шкуры» Костоправ, конечно, загнул. Иные от такого «слегонца» сознание теряют. Но рана у Кирки, похоже, и в самом деле не очень серьезная.

Успокоившись немного, Виктор встал возле А-Ка – прикрывать эвакуацию раненого. Положил ствол пистоля на быконский круп. Животное по-прежнему не шевелилось. Только вздымалась ороговевшая кожа на боках и шее. Защитная попона то поднималась, то опадала в такт дыханию.

– Эй, кто там! – раздался сзади раздраженный голос Костоправа. – Хреном вас обоглоблю пять раз!

Виктор улыбнулся. «Хрен» вообще было любимым бранным словечком лекаря.

– И по две оглобли каждому в зад, мать вашу!

Наряду с прочей экспрессивной лексикой...

– Быконягу страдальца нашего гребанного к телеге привяжите, дармоеды! И его самого поднять помогите! А то двигается еле-еле! Как в штаны наложил! Больным себя, мля, воображает!

Кроме бухтения Костоправа и суеты обозников, принимавших раненого, ничего слышно не было.

Лес хранил тишину. Никто на обоз больше не нападал. Судя по всему, подстреленный соболяк все же оказался одиночкой.

* * *

Виктор еще раз глянул на мертвого зверя. Крупный экземпляр...

Гибкое и сильное тело. Когти – как загнутые кинжалы. Клыки с палец. Широкий пушистый хвост – парус и руль одновременно: прекрасное подспорье в прыжках и полете. мех мягкий, густой, с отчетливой прозеленью и легким сероватым оттенком. Сейчас, когда хищник валялся неподвижной бесформенной кучей, он был особенно похож на оторвавшийся кусок кронового мха.

Неудивительно, что никто не заметил мутанта. Обнаружить соболяка, затаившегося в листве и замшелых ветвях, не просто. Его пушистую шкуру и вблизи-то не отличишь от толстой моховой губки, покрывающей древесные кроны.

Мех-мох, мох-мех... Похожи, заразы.

Кроновые мхи – порождение Котлов, распространившееся далеко за их пределы. Ветер разносит легкие моховые споры на многие километры. Споры быстро прорастают. Мох из Котла приживается всюду, где есть леса, и образует новые колонии.

Собственно, от самого мха вреда нет. Скорее польза: из мягкой, прочной и непромокаемой мшистой массы получаются хорошие, хотя и недолговечные подстилки и кровли домов. Мох питается соками деревьев, но, как и подобает предусмотрительному паразиту, – в разумных пределах, не иссушая и не убивая дерево-носитель. Беда тут в другом: вслед за кроновыми мхами рано или поздно приходят соболяки, идеально приспособившиеся к охоте в замшелых лесах. Используя котловой мох как естественное укрытие, хищники часто нападают на людей и скотину.

Впрочем, и от них тоже имеется польза. Лютой сибирской зимой нет ничего лучше, чем одежда из соболячьего меха. Такая пушнина – теплая и практически вечная – ценится очень высоко. Вот только добыть соболяка трудно. Промысловики-охотники гибнут чаще, чем возвращаются домой с добычей. Потому и платят хорошо за шкуру хищника-мутанта.

Хотя есть товар, на который и соболяков не напасешься.

– Патрон пришлось потратить! – посетовал А-Ка, все еще державший лес под прицелом. – Арбалетчики наши сплеховали.

Виктор понимающе кивнул. Патроны сейчас – дело такое. Они ценятся не меньше, чем золото или соболяки. А в некоторых случаях гораздо выше. Вот в их ситуации, например, полный магазин к калашу – это не просто богатство, это лишний шанс на выживание. Да только где ж его взять, полный магазин-то?

У обозного Стрельца – только один рожок и тот початый. Если в Приуральске удастся выгодно сбыть товар ордынским купцам, можно будет прикупить еще немного патронов. Но до Приуральска добраться сначала надо. Причем ехать нужно вдоль Хребтового тракта. Попадешь за границу с Большим Котлом.

– Ладно, А-Ка, не расстраивайся, – сказал Виктор. – То на то и вышло. Соболяк в Приуральске патрон стоит. А повезет – так и два выторговать можно. А ты, вон, шкуру, считай, не испортил. Специально, небось, в голову целил?

А-Ка не ответил.

– Снимешь шкуру-то? Твоя законная добыча.

– Сниму, конечно, – не стал скромничать Стрелец. – Только не здесь.

Нагнувшись, он поднял мертвого соболяка и перекинул мохнатую тушку через седло.

– По пути где-нибудь освежую. Здесь нам задерживаться нельзя: пошумели сильно. На всю округу о себе объявили.

Тоже верно...

Виктор обернулся. Кирка уже лежал в повозке лекаря. Костоправ, что-то бормоча, склонился над раненым. Оставшийся без седока быконь был привязан к замыкающей телеге.

– Уходим, А-Ка, – кивнул Виктор и с пистолем наизготовку попятился к обозу. Поворачиваться спиной к лесу не хотелось.

Стрелец вскочил в седло. Одной рукой он удерживал повод и прижимал к седельной луке соболяка. В другой – держал калаш, положив автомат на сгиб руки.

– Трогай! – крикнул А-Ка.

Заскрипели колеса. Небольшая колонна, прикрываемая всадниками с флангов и с тыла, двинулась дальше по тракту.

Глава 2

Дзинь-дзинь, – тихонько позвякивал болтающийся сзади крюк лебедки, обмотанный ржавой проволокой.

Тук-тук, – над открытой кабиной автоповозки постукивал о поворотный лафет-турель разблокированный клиновый запор. Долговязый канонир водил из стороны в сторону стволом небольшой бомбарды.

Фланговое наблюдение вели лучник и стрелок с ручницей-гаковницей, оперевший крюк самопала в специальный паз на борту. Впереди сидел возница, правивший упряжкой. Сзади, на надстроенной кормовой площадке, у тяжелого многозарядного стреломета расположился еще один наемник.

Груженная автоповозка тяжело покачивалась на ухабах и рытвинах. Тягловые быкони, связанные ремнями упряжи с ржавым бампером, шли ровно и не выказывали усталости, так что заводить мотор и тратить горючку сейчас не имело смысла. Да и рокотать на весь лес старым движком с раздолбанным глушителем без особой на то нужды не стоит. Хватит уже, пошумели. А-Ка прав: автоматный выстрел мог услышать кто угодно.

Быкони со своей работой справлялись на отлично. Они были словно специально созданы для нее. Что ж, ускоренные мутации не только «одарили» этот мир опасными тварями, но и позволили вывести новые виды домашних животных. Быконей в том числе. Хорошо защищенные природной броней, непугливые, послушные, более сильные и выносливые, чем быки, и почти такие же быстрые, как лошади, они были одинаково хороши и в упряжке, и под седлом. Прекрасная скотина! Одно из немногих приобретений человечества, утратившего во время Бойни почти все. Без быконей купеческие повозки вряд ли вообще прошли бы по разбитым лесным трактам.

У обочины из кустов показался покосившийся крест. Не очень старый, кстати, с неисплеванными и даже непоблекшими еще жертвенными тряпичками, повязанными на поперечной перекладине. Крест был один. Но сколько народу лежит под ним? Об этом можно только гадать. Может быть, один человек, может быть пара, может быть десять. А может, здесь упокоен целый обоз или дружина? Кто знает? Если ставить кресты над каждым погибшим на тракте, то они, кресты эти, наверное, будут торчать повсюду. Обычно умерших в дороге странников хоронят в одной братской могиле. И могильный знак ставят тоже на всех один.

Виктор невольно передернул плечами и поднял повыше бортовой щит, закрывающий автоповозку с его стороны. Велел вознице сделать то же.

Когда-то автоповозка была джипом, но в результате многочисленных переделок старый кое-как отреставрированный внедорожник изменился настолько, что теперь трудно было определить изначальную марку машины. Да и не помнил уже никто толком старых автомобильных брендов.

Из внедорожника просто сделали вместительный и функциональный транспорт, способный двигаться как своим ходом, так и на гужевой тяге. На таком и груз перевозить удобно, и от нападений в пути отбиваться. А при необходимости автоповозка выедет из размытой колеи сама и вытянет застрявшую телегу. Главным образом ради этого Виктор и взял ее в поход – в качестве тягача на экстренный случай.

Все лишнее из старого джипа выкинули, все необходимое оставили. Добавили еще кое-что нужное. Навесили дополнительную защиту и снаряжение, но так, чтобы не очень утяжелять конструкцию. Установили сзади лебедку на поворотной штанге и многозарядный стреломет, а сверху поставили крепкую подвижную турель-лафет для небольшой бомбардочки.

В общем, превратили машину в крепость на колесах. А иначе нельзя. Каждая обозная повозка представляла собой этакий гуляй-город в миниатюре. Крепкие высокие борта, бойницы, подъемные наружные щиты, самопалы, самострелы, стрелки, готовые к бою...

Дзинь-дзинь.

Тук-тук...

Нервы были как натянутая тетива на луке.

Обозники смотрели по сторонам. А после нападения соболяка и вверх тоже поглядывали особенно часто. Оружия никто не убирал. Опасный путь. Опасное место...

Глухомань. Прихребетная граница. Самая окраина великого княжества Сибирского.

Покачиваясь на связках соболячьих шкур, подготовленных на продажу, Виктор вместе со всеми наблюдал за зеленой стеной леса, словно стремившегося сдавить тракт с двух сторон.

Дзинь-дзинь...

– Эй, притяните там крюк покрепче, – велел Виктор.

Сидевший сзади стрелок примотал железку к поднятой штанге. Звенеть перестало. Хоть немного меньше шуму будет.

* * *

От Сибирска-на-Оби они отъехали уже далеко. Но и до Нижнего Приуралья, хранившего юго-западные рубежи княжества, еще не добрались. Небольшой караван преодолевал самый опасный участок маршрута, который не то что купеческий обоз – не всякая разбойничья ватага и даже заставная дружина пройдет благополучно.

Если забраться на дерево повыше, уже можно было увидеть Уральские горы. А дальше, за Хребтом, раскинулся Большой Котел, в котором варилось чудовищное варево. Именно оттуда, с запада, приходила чужая и чуждая жизнь. Жизнь, которая несла с собой смерть.

Котел... Этот термин получил повсеместное распространение еще во времена Бойни и сразу после нее, когда уцелевшие и обезумевшие люди бежали наперегонки со смертью, метаясь в поисках безопасных или хотя бы условно безопасных мест. И, как правило, проигрывали эту гонку.

Сначала Котлами называли эпицентры ракетно-бомбовых ударов, из которых практически невозможно было выбраться и от которых следовало держаться подальше. В ходе сумасшествия планетарного масштаба в Котлы превращались территории, подвергшиеся атомной бомбардировке, а также зоны применения химического, биологического и... И кто знает, какое еще оружие тогда применялось? Но со временем это слово, сохранив прежний смысл, обрело еще и новый, не менее зловещий.

Теперь Котлами называют земли, куда не станет соваться нормальный человек в здравом рассудке. Нормальному человеку там нет места. По той простой причине, что все живое в нынешних Котлах не-нор-маль-но. Людям в Котлах не выжить. Обычным людям, во всяком случае.

Котлы были везде. Приоритетными мишенями минувшей Бойни являлись крупные мегаполисы, военные объекты и базы, промышленные центры и целые густонаселенные районы. После глобального суицида человеческой цивилизации там было уничтожено все или почти все. Ну а потом...

Потом выжженная, зараженная и, как казалось, мертвая местность разродилась невиданными и немыслимыми формами флоры и фауны. Пока жалкие остатки человечества боролись за выживание в глухих уголках планеты, «котловая» жизнь приспосабливалась к новым условиям, эволюционировала и плодилась с невероятной скоростью.

Время шло. Сожженная и отравленная земля исцеляла свои раны, переваривала сама себя, нейтрализовывала тонны излитой на ее поверхность гадости и постепенно обновлялась. Однако запущенный механизм мутаций было уже не остановить.

Зараженные территории сами по себе больше не несли угрозы. Радиационный фон снизился, яды распались и рассеялись, возбудители смертельных болезней, к которым у обитателей Котлов выработался стойкий иммунитет, впали в спячку, присыпанные новым слоем почвы. Но то, что обрело жизнь в Котлах, и то, что Котлы начали извергать из себя, зачастую было страшнее и радиации, и отравы.

Котлы бурлили, выплескивая вовне живую пену. Мутанты перли волна за волной: растения, животные, рыбы, птицы... Даже люди. Вернее, одичавшие и утратившие человеческий облик существа, лишь отдаленно напоминавшие людей. Потомки тех немногих несчастных, которые укрылись в убежищах и бункерах и смогли чудом выжить, но у которых никогда уже не рождалось нормальных детей.

Котлы стали смертельно опасной зоной. Землей мутантов. Terra Mutantica – так называли их мудрые Сказители.

Котлы можно было обнаружить еще на подходе к ним. Котлы словно предупреждали заранее: дальше пути нет, поворачивай назад или двигай в объезд.

Или умри.

Вот и здесь...

Приграничный тракт, разумеется, не подходил непосредственно к Хребту, но близость Большого Котла уже ощущалась во всем. Во встречающихся то тут, то там изуродованных мутациями камень-деревьях, толстых, с крепкими, как кремнь, наростами, стволы которых выкручивались спиралью, а корявые узловатые ветви росли не вверх, а вниз. В кустах, вымахавших выше иной березки. В покрытых ядовитой смолой длинных иглах, усеивавших здешние елки и ели. В неестественно больших листьях, которые взгляд все чаще выцеплял среди обычной листвы. В тех же кроновых мхах, свисавших зелеными бородами практически с каждого дерева. В соболяках, вольготно чувствовавших себя на границе Большого Котла...

* * *

На территории Сибирского Княжества были, конечно, и свои внутренние Котлы. Из них тоже расплзалась мутировавшая нечисть. Но опасность, исходящую из малых Котлов, в последнее время удавалось худо-бедно локализовать, а от тварей, которые все же прорывались сквозь защитные кордоны, сибиряки без особого труда отбивались из-за стен городов и поселений, поставленных в глухой тайге. Необъятные и неосвоенные таежные просторы Сибири оказались ее спасением. Сюда во время Бойни почти не падали ракеты и бомбы. Здесь люди смогли выжить и не опуститься до скотского состояния.

А вот то, что творилось за Уралом...

В самый разгар Бойни, когда ее участники судорожно лупили ядерными и прочими зарядами направо и налево, когда бились уже не за свою победу, а за уничтожение противника любой ценой, практически вся густонаселенная Европейская часть России подверглась массовой бомбардировке с применением оружия массового поражения. Оружие поразило. Всех. Массы. Накрыло целые области и края.

И теперь западнее Урала раскинулся Котел. Большой. Самый. Самая большая угроза для Сибири.

Уральский хребет был, увы, ненадежной преградой. Во-первых, котловые мутанты легко перебирались через него, а во-вторых, по территории Урала тоже было нанесено

несколько мощных ударов, так что Большой Котел сливался с несколькими малыми, перелестывавшими через Хребет.

Чтобы хоть как-то защитить себя от опасного соседства, Великие сибирские князья огораживали свои владения на западной границе укрепленными заставами и даже основали там несколько городов, куда активно привлекались поселенцы. Желаящие находились. Кто-то ехал в опасные прикотловые края ради хороших княжеских подъемных, кто-то – чтобы искупить вину и избежать наказания за совершенные преступления, кто-то зарабатывал себе сытую старость.

Спокойной жизни в приграничных районах не было. Зато богатое Сибирское княжество щедро оплачивало риски поселян и порубежных дружинников.

Расходы, конечно, выходили немалые. Строительство укреплений, жалованье порубежникам, оружие, боеприпасы, тракты, которые пришлось заново прокладывать по старым шоссе и магистралям... Однако затраты того стоили. Высокой платой воинам и переселенцам за их страх и кровь Великое Княжество покупало собственное спокойствие. Опасные мутанты из Большого Котла, как правило, увязали на приграничных рубежах и редко добились до столицы Сибирска-на-Оби.

Такое положение дел было выгодно и купцам Сибирской гильдии, торговавшим с дальними гарнизонами, где люди страдали от чего угодно, но только не от бедности. Правда, далеко не все купцы отваживались водить обозы к западным границам Княжества. Но те, кто решался, – преуспевали. Если не лишались головы.

* * *

– Золотой, слышь? – голос А-Ка вывел Виктора из задумчивости. – Я соболяка к твоей повозке прицеплю, лады? А то кровит и кровит, зараза. Всю попону испачкал.

Стрелец указал под седло. Защитная попона на быконе действительно была заляпана соболячьей кровью.

– Валяй, – Виктор кивнул на висящий за кормой лебедочный крюк.

А-Ка на ходу, не покидая седла, примотал проволокой хвост мертвого соболяка к крюку. Теперь тушка мутанта покачивалась на лебедке. Кровь капала на землю, никому не доставляя неудобств.

– Как там Кирка? – Виктор глянул на повозку, в которой ехали лекарь и раненый наемник. Из повозки доносился невнятный бубнеж.

– Нормально, – чуть заметно усмехнулся А-Ка, – Костоправ его матом кроет, значит, все в порядке. Была бы рана серьезная, лекарь не языком бы молол, а руками работал. Над тяжелоранеными он так не разоряется. Совсем зашугал Кирку. Когда я мимо проезжал, парень уже в седло просился.

Виктор понимающе улыбнулся. Обозный лекарь порой казался хуже соболяка. Недавно сам Виктор, напоравшись на отравленную хвою, стал на пару дней подопечным Костоправа. Эти два дня он искренне считал худшими днями своей жизни. Чего уж говорить: не самый приятный тип в общении их лекарь. Зато врач от Бога. В чем уже неоднократно была возможность убедиться. Виктор почитал за большую удачу, что Костоправа удалось уговорить примкнуть к экспедиции. Правда, о том, что пришлось от него выслушать во время вербовки, вспоминать не хотелось.

– Наверное, Кирка уже жалеет, что соболяк его до смерти не загрыз, – добавил Стрелец.

Так-так-так... А-Ка вроде шутил и улыбался, но по сторонам смотреть не забывал. И не просто смотрел – вертел головой так, что Виктор заподозрил неладное. Да и в глазах начальника обозной охраны особого веселья не видно.

– А-Ка, чего сказать хочешь? – напрямую спросил Виктор. – Ты же не из-за соболяка ко мне подъехал, а?

Вообще-то свой пачкучий трофей Стрелец мог прицепить и к другой повозке.

А-Ка кивнул. Склонился в седле. Сказал негромко:

– Не нравится мне здесь, Золотой.

– Так понятное дело, – фыркнул Виктор. – Кому возле Большого Котла понравится?

– Да не о том я, – поморщился Стрелец. – Тихо что-то после того соболяка стало. Тихо и пусто. Птиц не слышно и не видно. Зверья тоже. Словно распугал всех кто. Вот эта тишина мне и не нравится. И то, что мы идем так шумно.

Виктор нахмурился. Тайком с обозом по тряскому тракту не прокрадешься. Но А-Ка прав: прикотловой лес был какой-то уж подозрительно тихий.

– Такое чувство у меня, будто следят за нами, – закончил Стрелец. – Ты не думай, Золотой, я не очкую. Просто дурное чую. Что-то похуже соболяков.

Виктор вздохнул. Вообще-то интуиция редко подводила А-Ка.

– И что предлагаешь?

– Остановиться, – сразу, без раздумий ответил Стрелец. – Встать на тракте. Огородиться повозками и быконями. Затаиться, прислушаться. Разведку выслать вперед и назад. Лес осмотреть. Проверить дорогу. Если никого нет – проехать немного. Снова остановиться и снова проверить. Так и передвигаться.

– И далеко мы так уйдем?

– Недалеко. Зато уйдем. А если что стряется – все равно ведь останавливаться придется. С таким грузом, – А-Ка кивнул на заваленные товаром повозки, – не убежать. Но в походном порядке отбиваться нам труднее будет.

К-х-х-ряк-х! – раздалось впереди. Левое колесо головной повозки влетело в припорошенную листвой и опавшей хвоей яму. Под натянутой на деревянную основу старой автомобильной покрышкой треснул обод. Обитое резиной колесо развалилось. С хрустом посыпались спицы.

Натянулась струной прочная упряжь. Тягловые быкони встали. Непонимающе затрясли крупными головами с костистыми выступами защитных наростов. Повозка сильно накренилась, упершись осью в землю. Сорвался с креплений и откинулся левый борт. На землю посыпался товар.

– Твою-у-у-ж-ма-а-а!.. – в сердцах взвыл вывалившийся из телеги Костоправ.

Раненый Кирка каким-то чудом удержался на перекошенной повозке.

Виктор понял, что происходит, еще прежде, чем все началось. Даже раньше понял, чем заголосил Костоправ. А начиналось нехорошее.

Нападение...

Глава 3

Виктору хватило одного взгляда на злополучную яму. Не случайно, совсем не случайно она оказалась на их пути. Глубокая, большая, с крутыми стенками. Заботливо прикрытая палой листвой. Быкони, видимо, почувствовали ловушку и обошли ее, но катившаяся за ними широкая повозка влетела-таки!

– В укрытие! – крикнул Виктор, сам хоронясь за бортом автоповозки.

А-Ка тоже сориентировался мгновенно.

– К бою! – соскользнув с седла, Стрелец оказался под прикрытием быконя и автоповозки.

А-Ка вскинул калаш – их самое грозное и самое ценное оружие.

Остальные обозники тоже изготовились к отражению атаки. Верховая охрана спешила и пряталась за быконами, те, кто сидел в повозках, пригибался за бортами.

На виду остался только...

– Долбанная телега! Долбанная яма! Долбанная дорога! – не слыша никого и ничего вокруг, разорвался Костоправ. Лекарь в сердцах пинал обломки сломанного колеса.

– Костоправ, варежку закрой! – крикнул А-Ка. – Лезь в повозку! Быстро!

Ну, так и есть! Виктор выругался сквозь зубы. Его худшие ожидания оправдались. Сразу с двух сторон из придорожных кустов и из-за деревьев в обоз полетели камни и палки с заостренными концами.

Тук-тук-тук-тук, – сухо застучало по толстым дощатым бортам повозок.

Бум! Бум! – дважды ударило в железо автоповозки.

Камни били сильно, словно пущенные из пращи. Острые концы палок-копий блестели от ядовитой смолы сосен-мутантов. Пока не застынет, такая смола при попадании в кровь способна надолго парализовать человека.

В общем-то, можно сказать, им повезло. Невидимый пока неприятель промедлил и дал время укрыться. Почему враг не забросал обоз камнями и копьями сразу? Не рассчитывал, видать, что так быстро раскусят его хитрость.

Думал, небось, что народ полезет из повозок – подбирать товар, чинить поврежденную телегу – и подставится. Однако обозники тоже были не лыком шиты. Не первый раз в походе.

Забился в упряжке раненый быконь. Несчастное животное не спасли ни толстая защитная попона, ни собственная броня из бляшек ороговевшей кожи: копьё попало скотине в глаз.

Увесистый булыжник угодил в голову Костоправу. Сбил шлем. Самого лекаря чуть не свалил с ног.

– Твою-у-у!!!

На этот раз вопль Костоправа наполнился не досадой и раздражением, а боевой яростью.

Запрыгнув на перекошенную повозку, лекарь рывком поднял тяжелый откинутый борт, а раненый Кирка защелкнул крепления. Костоправ схватил заряженный арбалет и прильнул к бортовой бойнице. Рядом пристроился Кирка с самопалом.

«Все в укрытие», – с облегчением подумал Виктор. Это было главное. Потерь в самые опасные первые секунды боя удалось избежать. Правда, только людских потерь.

Рухнул еще один быконь: пущенный с невероятной силой камень повредил ему ногу.

* * *

Виктор держал оружие наготове. В одной руке – короткоствольный пистоль-самопал. В другой – палаш с широким увесистым клинком, которым можно и обычному зверю башку

раскроить, и человеку, и мутанту. Правда, кого рубить, пока было непонятно. И куда стрелять – тоже.

Подступавшая к обочине зеленая стена леса надежно укрывала нападавших. А те не спешили выбираться на открытое пространство и лезть в рукопашную.

Костоправ не выдержал: матерно ругнувшись, стрельнул из арбалета. Бухнул из самопала Кирка. Попали? Вряд ли. Оба стреляли наугад. Больше от нервов, чем по необходимости.

На задней повозке щелкнула тугая тетива тяжелого тележного стреломета. Самострел швырнул в лес целый пучок дротиков, сбивая листья и ветки.

Ага, на этот раз вроде бы попали: за деревьями кто-то пронзительно заверещал.

– Хватит! – крикнул А-Ка. – Без приказа не стрелять! Перезарядить оружие!

Верно. Как ни тяжело сидеть на виду у незримого противника, но и вслепую бить все же не стоит. А то ведь потом, когда начнется настоящее дело, не успеешь перезарядить оружие.

Заскрипела тетива многострела.

Крик за деревьями оборвался. Или раненый кончился, или кончили. В смысле добили. Избавились от обузы-подранка.

Из леса снова полетели копья и камни.

Один булыжник грохнул по автоповозке. Если бы не крепкая защитная решетка, поставленная вместо давным-давно разбитого лобового стекла, камень угодил бы в лоб Виктору. А так – только прутья погнул.

Кто напал? Разбойники или котловые зеленокожие дикари-мутанты? Вообще-то Виктор предпочел бы столкнуться с разбойниками, но увы...

Разбойничьи ватаги редко атаковали купеческие обозы, в охране которых имелся хотя бы один Стрелец. И так близко от Большого Котла банды не промышляли. И быконей не выбивали: им нужна была скотина, чтобы вывозить трофеи. Оружие – камни и метательные палки без наконечников – тоже дикарское, не разбойничье. Лиходеи, как правило, имели на вооружении луки с арбалетами, а те, кто побогаче, – пороховые самопалы. Ну и, наконец, обычная шайка, не добившись победы сразу, с наскока, отступала после первых же потерь. А котловые – те нет. Те упертые. Или сметут, или сами подохнут.

Обстрел неожиданно прекратился.

Отступили? Значит, все-таки разбойники.

Готовятся к атаке? Тогда – дикари.

Виктор ждал. Скоро, очень скоро все прояснится.

– Стрелки! Бьете поверху! Деревья – ваши! Ветки, кроны, мох! – кричал А-Ка. – Пушки – на подлесок! Прямая наводка! Уровень: грудь-живот!

Уровень условный, конечно. Картечь выкосит все. Достанет и тех, кто ляжет или попытается подобраться ползком, и тех, кто полезет по нижнему ярусу леса.

– Многострелы – страхуют! – не умолкал Стрелец. – Чтоб ни одна тварь не проскочила!

А-Ка был толковым воякой. Собственно, потому Виктор и поставил его старшим обозной охраны.

Бортовые бомбарды и стрелометы смотрели на лес. Только канонир автоповозки еще ворочал бомбардный ствол на турели, выискивая цель. В руках канониров появились зажигалки. Дорогие штуки по нынешним временам, но они себя оправдывали.

А-Ка следил за лесом через автоматный прицел.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па!!! – донеслось из-за густой листвы.

Дикарский боевой клич! Виктор поморщился. Все, умерла последняя надежда. Сдохла, сердешная! Засаду на тракте устроили зауральские мутанты, а не сибирские разбойники.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па!!! – дикари, как всегда, криком подначивали себя перед решительным натиском.

– Япона мать! – не очень понятно, почти по-дикарски выругался Костоправ.

– Г-товсь! – басовито проорал А-Ка.

Главное сейчас было не упустить момента, когда мутанты попрут из леса.

А они...

Они уже появились.

– Зеленокожие! – заорал кто-то.

* * *

Стена леса по обе стороны от дороги ожила. Разом. Вся. Снизу доверху.

Котловые дикари атаковали, как всегда, всей толпой сразу.

Голые тела с толстой пятнистой кожей салатного цвета, маскирующей мутантов лучше любого камуфляжа, вываливались из леса и прыгали с нависающих над трактом деревьев.

На людей эти существа походили лишь постольку-поскольку. По-обезьяньи вытянутые руки, способные далеко и сильно метать камни и копья, длинные, мускулистые ноги, идеально подходящие для долгих переходов и быстрого бега. Широкие ладони. Цепкие пальцы. Когти вместо обычных человеческих ногтей. Лица... Вернее, полузвериные морды с массивными челюстями и маленькими глазками. Торчащие над нижней губой клыки. Спутанные жирные космы, больше всего похожие на тину.

Среди нападавших было несколько самок с отвислыми болтающимися сосками. У каждой по восемь сосков на груди и животе: котловые дикари жили недолго, но приносили многочисленное потомство.

В повозки снова полетели заостренные палки и камни, но на этот раз большая часть зеленокожих была вооружена узловатыми дубинками из обожженных веток и сучьев каменье-дерева. Такое оружие, как и булыжники или копья, обмазанные парализующей смолой, предназначалось не столько для того, чтобы убивать, сколько для того, чтобы глушить, калечить и обездвиживать.

Дикарям не нужны были груженные товаром повозки. У зеленокожих другой интерес: они охотятся за живыми пленниками, головы которых можно принести в жертву кровавожадным котловым богам. Мутанты вскрывают несчастным черепа и обглаживают кости. На следы таких жертвоприношений иногда наталкивалась порубежная стража.

– Пли-и-и! – не своим голосом прокричал А-Ка.

Звон стрелометов и буханье ручниц потонули в грохоте бомбард.

Ударившие поверху арбалетные болты, стрелы лучников и заряды самопалов сбивали нападавших с крон деревьев и встречали зеленокожих прямо в полете, заставляя тела прыгунов нелепо кувыряться в воздухе.

Пушечной картечью и залпом многозарядных стрелометов изрядно проредило подлесок и смело первые ряды дикарей, выбегавших на обочину тракта. И первые ряды, и вторые. И третьим досталось. И тем, кто шел за ними, наверное, тоже. Заодно посшибало дикарей, оказавшихся на нижних ветках.

Замешкался только канонир автоповозки. Он развернул небольшое орудие на туреле-лафете влево. Заблокировал поворотный механизм массивным запорным клином. Иначе стрелять нельзя: бомбарду попросту снесет с лафета отдачей.

Дикарское копье чиркнуло бомбардира по незащищенному подбородку. Парализующая смоляная обмазка подействовала мгновенно: бедняга захрипел и рухнул как подкошенный.

Виктор занял его место, сунул пистоль за пояс, поднял зажигалку канонира и доделал недоделанное.

Открыл пороховую полку над бомбардной каморой, щелкнул зажигалкой...

Заготовленный заранее мелкий запальный порох вспыхнул. Пушка грохнула. Дернулся крепежный клин. От отдачи, передавшейся через треногу турели-лафета, содрогнулась вся автоповозка.

С полдесятка дикарей как метлой смело. Зеленокожих превратило в красное кровавое месиво.

И тракт, и подступавшие к нему заросли заволакивало плотным дымом, но уже было ясно, что остановить мутантов не удалось.

* * *

– Йап-па йап-па йап-па йап-па! – то тут, то там из дыма выскакивали дикари. Многие были изранены и окровавлены. Все были злы, свирепы и решительны. Сверху тоже прыгнуло несколько мутантов, не попавших под заряды самопалов и стрелы арбалетов.

Завязалась рукопашная.

Виктор услышал, как затыкал автомат в руках А-Ка. Стрелец открыл огонь в самый последний момент, когда ждать было уже нельзя, но даже сейчас он расходовал драгоценные боеприпасы экономно. А-Ка хладнокровно выбивал самых опасных вражеских бойцов.

Только ведь на всех одного калаша с початым рожком не хватит. И от дымящихся стволов бомбард толку уже не будет. И стрелометы не перезарядить.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па!

Двое зеленокожих возникли по обе стороны от автоповозки.

Первый набросился на машину.

Бум! Тяжелая дубинка обрушилась на борт автоповозки. Палица оставила приличную отметину.

От следующего удара сломался замок передней двери. Дверь распахнулась.

Второй дикарь, тоже вооруженный дубинкой, карабкался на автоповозку прямо через бортовой щит. Мутант намеревался забраться внутрь. Только сделать это ему было не суждено. Когда голова зеленокожего появилась над бортом, Виктор направил на нее пистоль. Щелчок спускового крючка. Кремневый отщеп, зажатый в маленьких тисочках, высек искру.

Выстрел почти в упор...

Оскаленную морду зеленокожего вмяло в череп. Голова дернулась назад с такой силой, что, наверное, и шейные позвонки не остались целыми. Тело сбросило с автоповозки так, что в какой-то момент мелькнувшие в воздухе грязные босые ноги оказались выше разбитой головы мутанта.

Виктор увернулся от дубинки дикаря, лезущего через распахнутую дверь. Палица противника застряла между стойками турели-лафета. Виктор рубанул палашом по руке, сжимавшей дубинку. Отсеченная кисть осталась в автоповозке, искалеченный зеленокожий с воем соскользнул под колеса.

Его место тут же занял другой дикарь. На этот раз – с копьем в руках. Мутант попытался достать Виктора.

Ан не вышло! Виктор отбил пистолем обмазанное парализующей смолой острие. Взмахнул палашом. Вогнал лезвие в череп дикаря аж по самую пасть.

А из леса выбегали все новые и новые зеленокожие. «Да откуда ж их столько-то?» – ужаснулся Виктор, срубая очередного противника.

Наемники, оборонявшие вместе с ним автоповозку, отбивались умело и яростно. Но не всем везло, как ему. Дубинки и парализующие копыя нападавших свалили одного, второго,

третьего... К упавшим обозникам тянулись когтистые руки зеленокожих. Виктор рубил их, как ветки.

На капот автоповозки вскочила визжащая дикарка. Два верхних соска у нее было оторвано картечью, еще один болтался на лоскутке кожи. Тело мутантки сочилося кровью, однако это не мешало ей ловко орудовать увесистой дубинкой. Зеленокожая мегера оглушила возницу. Да и сам Виктор едва успел подставить палаш под удар и отвести палицу, целившую ему в голову. А отведя...

– Подвиньтесь, дама! – он нанес быстрый и точный удар тяжелой рукоятью пистоля промеж маленьких горящих ненавистью глазок.

Дикарка заткнулась и слетела с повозки.

А Виктор вдруг понял, что больше не слышит автоматных выстрелов. К счастью, зеленокожие на время отхлынули от автоповозки: появилась возможность оглядеться.

* * *

– Не пускать их на повозки! – А-Ка снова сидел в седле и, вертясь волчком, разил врага сверху длинным мечом. – Прикрывать друг друга! Верховые! К повозкам! К повозкам жмитесь! Не удаляться!

Из седельной сумки торчал автоматный приклад. Плохо. Если Стрелец взялся за меч – дело совсем плохо.

«Значит, кончились патроны», – с тоской подумал Виктор.

Правда, и с холодным оружием А-Ка обращаться умел. Меч Стрельца разил зеленокожих, почти не натываясь на вражеские дубинки. Срубленные руки и головы дикарей летели во все стороны. Быконь, специально натасканный на рукопашные схватки, помогал наезднику. Тяжелые копыта сбивали мутантов с ног и втоптывали их в палую листву.

Но вот чья-то палица обрушилась на голову быконя. Еще одна дубинка перебила ему ногу. Животное упало.

А-Ка, не выпуская меча, закатился под автоповозку и выскочил с другой стороны. Прижавшись к борту, продолжил бой там.

Тем временем на застрявшей повозке Костоправ – без шлема, со взмокшими встрепанными волосами и жутким лицом – матерясь на весь лес, раскручивал кистень. Шипастая гирька на длинной цепочке мелькала так, что и не увидишь. Поистине страшное оружие, если умеешь с ним обращаться. Костоправ владел кистенем виртуозно. Обозный лекарь мог не только врачевать, но и калечить. Чем сейчас и занимался.

Любого подступившего к повозке дикаря Костоправ сбивал с одного удара. Виктору показалось, будто он слышит, как трещат, попадая под кистень, черепа и кости зеленокожих. Своим оружием Костоправ даже умудрялся сшибать в полете брошенные в него копья.

Лекарь не только отбивался сам, но и прикрывал раненого. Впрочем, Кирка тоже времени даром не терял. Морщась от боли в прокушенном плече, он перезаряжал самопал-гаковницу.

Нет! Перезарядил уже!

Короткая, толстая, чуть расширяющаяся к концу трубка на массивном деревянном ложе легла на перекошенный борт повозки. Железный крюк зацепился за толстый край доски. Так удобнее всего гасить чудовищную отдачу: обычного приклада хватало не всегда. Самопал порой лягался в плечо так, что мог сломать ключицу. Да и вообще раненому сподручнее стрелять с упорного крюка.

Костоправ крыл матом не только зеленокожих уродов, прущих из леса. Кирке, возившемуся у него под ногами и мешавшему лекарю выделявать кистенем хитрые петли и восьмерки, доставалось тоже. Раненый мог случайно попасть под гирьку. А мог и не случайно.

На миг Виктору показалось, будто Костоправ в порыве гнева готов хрястнуть непоседливого пациента по затылку.

Кирка, впрочем, внимания на ругань не обращал. То ли приобрел уже стойкий иммунитет к брани лекаря, то ли торопился заглушить ее выстрелом из самопала.

Он нажал на спуск кремниевого замка и...

Бу-у-ух! Пальнул-таки.

Сразу трех зеленокожих швырнуло на землю. Кистень Костроправа сбил четвертого, вцепившегося в дымящуюся ручницу.

А-Ка тем временем срубил еще двух дикарей.

Виктор тоже снес палашем полчерепушки особо настырному мутанту, пытавшемуся влезть в автоповозку.

Именно в этот момент откуда-то сбоку обрушился удар вражеской дубинки. Подкрававшийся с фланга зеленокожий сбил с Виктора шлем и тут же шарахнул снова. Виктор успел лишь повернуться. Ни защититься, ни уклониться времени уже не хватило. Перед глазами мелькнула темная палица из камень-дерева.

Голова взорвалась. Яркая слепящая вспышка и...

И свет померк.

Глава 4

– Ну что, купчина, очухался?

Виктор с трудом разлепил глаза. Над ним нависало угрюмое лицо Костоправа.

– А не хрен было подставляться по-глупому под дубину. Сам, мля, виноват. Да не кри-
вись ты так! Хряснули тебя несильно: убивать не собирались. А что в лес не утащили – так
Стрельцу спасибо скажи. Это он тебя, дурня, у зеленорылых отбил.

Обозный лекарь был деликатен, приветлив и ласков, как всегда. К счастью, долго
общаться с ним не пришлось: Костоправа отодвинул А-Ка.

– Как ты, Золотой?

Виктор покачал гудящей головой. Не о том он хотел сейчас говорить.

– Потери есть?

А-Ка помрачнел. Ясно...

– Скольких потеряли? – поморщился Виктор.

– Спроси лучше, сколько осталось.

– Ну и сколько же? – сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

– Ты, я, Костоправ да Кирка, которого лекарь прикрывал.

– А остальные? – Виктор ужаснулся.

– В лес остальных уволокли, – А-Ка отвернулся. – Даже тяжело раненных прихватили.
Мы насилу отбились. И то, думаю, потому, что у зеленокожих рук на всех уже не хватало.

Виктор не поверил. Приподнялся, выглянул из автоповозки, в которой лежал.

Так и есть! Обоз не тронут. Зеленокожие – не разбойники, им купеческое добро без
надобности. Они людей отлавливают для жертвоприношений. А вот людей-то...

Как и сказал А-Ка, четыре человека всего осталось. Из них – один раненый: Кирка.
Один оглушенный и в себя еще не до конца пришедший сам хозяин обоза.

На тракте лежали несколько покалеченных и убитых быконей. И десятков семь зелено-
кожих. А то и все восемь... Раненых среди дикарей не видно. Надо полагать, А-Ка и Косто-
прав уже добились тех, кто не смог убраться с места стычки.

– Слишком много гадов было, – продолжал Стрелец, цедя слова сквозь зубы. – Наших
хватало и сразу тащили в лес. Своих бросали... Ну как всегда.

Да, именно так всегда и было. Дикари добывали жертвенных пленников, не считаясь
с собственными потерями и не заморачиваясь на похороны павших сородичей.

– Только я никогда не видел столько зеленокожих сразу, – закончил А-Ка.

– Надо наших найти, – пробормотал Виктор. – Отбить пленных...

– Очумел?! – Костоправ покрутил пальцем у виска. – Тебе что, последние мозги
вышибли на хрен?

– За Хребет хочешь идти, купец? – нахмурился А-Ка. – В Котел?

– Хочу, – ответил Виктор.

– А далеко ли уйдешь, дурила? – Костоправ выразительно стукнул себя по лбу. – И
много ли там, за Хребтом, найдешь? И долго ли проживешь?

Виктор упрямо молчал.

– Не получится, Золотой, – покачал головой А-Ка. – Повозки по лесу не пройдут.

– Оставим повозки и товар здесь. Спрячем у тракта. Ничего с ними не случится.

– Кирку тоже оставим и спрячем?

Виктор сник. В самом деле, у них ведь раненый. С ним быстро передвигаться не полу-
чится.

– Да и не догоним мы уже зеленокожих, – вздохнул А-Ка. – Они и по лесам бегают, как
быкони, и прикотловые территории знают лучше нас. А Котел – так и вовсе их дом родной.

– А нас там первая же мутантистая тварь сожрет, – угрюмо добавил лекарь. – Даже если выследим дикарей – пленных все равно отбить не сможем. Мало нас.

Конечно же, А-Ка и Костоправ были кругом правы. Уходить с тракта и соваться в прикотловой лес – чистой воды самоубийство. Там за каждым деревом может поджидать в засаде зеленокожий, которого не заметишь, пока не получишь дубинкой по голове. Да и помимо дикарей опасностей хватает. А уж что в самом Большом Котле творится – об этом лучше не думать.

– В Приуральск ехать надо, – вновь заговорил А-Ка. – Если доберемся – поднимем дружину, соберем повольников. Может быть, еще и удастся перехватить дикарей.

Это были лишь слова утешения. И Виктор, и А-Ка прекрасно понимали: отловить в прикотловых лесах зеленокожих практически нереально. А если они уйдут к себе за Хребет – то и без всяких там «практически». Нереально – и все тут.

* * *

Сломанную повозку и часть товара пришлось бросить. Чинить – долго и шумно. А задерживаться на месте недавнего боя опасно: зеленокожие могли не удовлетвориться захваченной добычей и вернуться за новыми жертвами для своих богов. Да и уцелевших быконей хватило лишь для того, чтобы составить две полноценные упряжки. Даже для верховой езды скотины уже не оставалось.

Ехали молча. Виктор и А-Ка расположились в автоповозке. Костоправ с раненым Киркой сидели в телеге, двигавшейся следом. Вот и весь обоз.

Скверно, очень скверно... Виктор остро переживал из-за каждого человека, которому уже не суждено было вернуться домой. Ведь именно он организовывал этот поход. Он набирал команду, убеждал, уговаривал, сулил хорошую плату за службу. И люди шли за ним, полностью ему доверившись. И вот, пожалуйста... Сам он жив. А почти все его обозники либо мертвы, либо скоро примут смерть на жертвенном алтаре зеленокожих.

Разумом Виктор понимал, что на самом деле в том, что произошло, нет его вины, даже косвенной. Ничего он не мог сделать, чтобы предотвратить случившееся. Да и никто не смог бы на его месте. Наемники, отправлявшиеся в экспедицию, знали, куда и на что идут. Никому Виктор не обещал безопасного пути и не гарантировал возвращения. Наоборот, честно предупреждал спутников о том, что ждет обоз в пути. И люди, принимавшие предложение купца, шли на риск по своей воле и своему разумению. Эта была их работа и их выбор.

Да, Виктор все это понимал. Только понимание сейчас помогало мало. На душе было – паршивей некуда. Идущих за тобой и с тобой людей всегда терять тяжело. Тяжелее, чем самый ценный товар. И хотя людские потери в опасной торговле были делом обычным, привыкнуть к этому Виктор никак не мог.

– Рожок пуст, – негромкий голос А-Ка отвлек от невеселых дум и заставил вернуться к такой же безрадостной действительности. – Патроны того... тью-тью. Все расстрелял. До последнего.

Стрелец с тоской смотрел на автомат, проку от которого теперь было меньше, чем от обычного меча.

– Если опять навалятся зеленокожие, трудно будет отбиться. – посетовал А-Ка.

Трудно, кто ж спорит. Но, по крайней мере, свои патроны Стрелец израсходовал не впустую. А-Ка положил автоматным огнем как минимум два десятка дикарей. Причем выбил наиболее опасных противников.

Виктор вздохнул. Автомат был самым грозным их оружием. А без боеприпасов – самым бесполезным.

– В Приуральске патроны компенсирую, – пообещал Виктор. – Если доберемся.

И если торговля будет удачная. И если на базаре будут боеприпасы на продажу... Порубежникам тоже ведь патроны нужны. И патроны, и старое оружие. А с этим сейчас беда. И с каждым годом становится только хуже.

* * *

Большая часть военных складов была уничтожена во время Бойни. А если что и осталось на территории нынешних Котлов, где раньше располагались крупные города и военные базы, так кто ж туда полезет?

Нет, находились порой отчаянные головы, отправлявшиеся в Котлы на промысел, но возвращались оттуда единицы и приносили с собой – так... кошкины слезы. Если вообще что-нибудь находили. Чтобы найти что-то стоящее, надо хотя бы знать, где искать. И еще надо, чтобы тебя самого не искали котловые мутанты. А их там – кишмя кишит, так что каждый добытый в Котле патрон обходится большой кровью.

Невыгодно, в общем. Бессмысленно.

Это еще большая удача, что к тому времени, как радиация и прочая зараза перестали убивать все живое, а скрывавшиеся под землей мутанты полезли из своих нор на поверхность, человекообразные обитатели Котлов одичали уже настолько, что забыли, как пользоваться благами погибшей цивилизации. В том числе и старым оружием. Если его, конечно, можно отнести к благам.

Деградивавшие зеленокожие, длительное время изолированные от внешнего мира и жившие в подземных убежищах разрозненными кланами, начинали свое развитие заново. Так что если кто-то из них и находил автомат, то в глазах дикаря эта корявая железка значительно уступала выжженной на огне боевой палице из камень-дерева. А если зеленокожие видели автомат в действии, как сегодня, к примеру, то постичь принцип этого самого действия пока было выше дикарского разума. Зеленокожие не могли освоить даже примитивных самопалов. Опять-таки пока...

Как оно будет дальше, никто не знает, но в настоящее время пользоваться оружием опаснее дубинки или заостренной палки дикари, слава Богу, не умели. Правда, они приобрели взамен другое оружие: необычайную плодовитость и убийственную, порой даже самоубийственную агрессивность, подкрепленную кровавыми культами неведомых котловых богов.

И все-таки это было лучше, чем толпы зеленокожих вырожденцев, наступающих с автоматами наперевес.

Виктору даже стало немного не по себе, когда он представил такую картину. Если в один далеко не прекрасный день из Большого Котла действительно выйдут хорошо вооруженные кланы двуногих мутантов, Сибирское Княжество не устоит. Зеленокожие попросту сметут сибиряков, да и не только их. Хомо сапиенс окончательно уйдет в прошлое. Наступит время новой зеленокожей расы. Не только Котлы – вся планета станет Terra Mutantica.

А может, оно и к лучшему? Может, хватит трепыхаться экс-царю природы, бездарно профукавшему свой мир? Может, пора уступить место другому временному царьку – зеленому человечку из Большого Котла?

Б-р-р! На фиг – на фиг – на фиг! Виктор потрянул головой. Ну и мысли приходят в голову, когда на душе кошки скребут. Не-е, так дело не пойдет. Раскисать нельзя. Нужно держать себя в руках и вести обоз дальше. Хомо сапиенс еще поднимется с колен. Загонит всю мутантистую нечисть пинками обратно в Котлы. А когда-нибудь – даст Бог – раздавит там тварей и вернет себе контроль над планетой.

Вот только бы... Только бы вооружиться ему как следует.

Виктор снова покосился на автомат Стрельца.

Те невеликие запасы старого оружия, которые удалось отыскать вне Котлов, со временем приходили в негодность, а боеприпасы расходовались слишком быстро. Сначала – на борьбу друг с другом за скудные ресурсы. Сапиенс даже после Бойни не поумнел настолько, чтобы прекратить истреблять себе подобных. Для многих и сейчас проще было убить ближнего, чем договориться с ним.

Правда, когда из Большого зауральского Котла и Котлов поменьше поперло всякое, пришлось все же договариваться. Грызшиеся между собой лесные сибирские князьки объединились под великим князем. Но вот пополнить истощившиеся арсеналы оказалось, увы, нечем. Оно и понятно. Старые оружейные заводы разгромлены. Необходимая инфраструктура и почти вся сырьевая база – уничтожены. А наладить новое производство у выживших кишка была тонка. Не хватало опыта, специалистов, техники, да и просто рабочих рук.

В итоге максимум на что оказались способны выпавшие из гнезда цивилизации сапиенсы – так это возродить примитивную металлургию, запустить нехитрое (уголь, сера, селитра – что тут сложного?) производство пороха и начать кустарную нефтеперегонку на скважинах, которые во время Бойни враг то ли не успел уничтожить, то ли оставил в надежде на победу.

Плохонькое, некачественно очищенное топливо шло на заправку работающих еще машин, которые, впрочем, быстро ломались и уже навсегда выходили из строя, не выдерживая конкуренции со старым добрым гужевым транспортом. Недостаток автоматов и пулеметов восполнялся мечами, арбалетами, бомбардами и самопалами.

По большому счету, люди, уцелевшие вне Котлов, тоже деградировали, как и котловые мутанты. Просто назад по эволюционной лестнице их отбросило не так далеко. Не совсем уж в каменный век, а куда-то в Средневековье. Пусть новое, пусть малость продвинутое, но все же Средневековье. А как иначе все это назвать? Защищенные крепостными стенами поселения и городки. Натуральное хозяйство. Опасные дороги. Князья, дружинники. Мечи, сабли, луки со стрелами, пугачи-самопалы...

Преимущество перед зеленокожими было только одно. Если котловые дикари вылезли из своих нор такими троплодитами с напрочь отшибленной памятью, то остатки человечества сохранили некоторые знания и умения из прошлой жизни. Сапиенсы даже использовали полезные «артефакты» сгинувшей в самоубийственной Бойне цивилизации. «Артефакты», дорабатывающие свой век и, увы, зачастую не поддающиеся починке.

Виктор глянул на автоповозку. Тоже ведь не вечная: долго не протянет.

Собственно, и те, кто выжил вне Котлов, оказались в бо-о-ольшой заднице. Но окружающая их задница была все же немного освещена воспоминаниями о былом. Хотя с другой стороны...

Может быть, им тоже стоило забыть все? Не было бы тогда этой жгучей горечи, которая всякий раз возникает при мысли о том, как люди жили раньше и как они живут теперь. Все-таки начинать свой путь в блаженном неведении, с чистого листа проще, чем с тяжким грузом памяти. Пусть не своей, пусть памяти предыдущих поколений, которые так и не сумели забыть о Бойне и о том, чего она лишила их самих и их потомков.

* * *

– Хорошо дрался сегодня, купец, – вновь заговорил А-Ка.

Виктор промолчал.

– Слышь, Золотой, я вот все понять не могу, зачем ты вообще в торговлю подался?

Хороший вопрос. Виктор и сам часто думал над этим и ответа не находил. Нельзя сказать, чтобы он получал удовольствие от торговли как таковой. А ведь для других купцов Сибирской гильдии она была сродни наркотику.

– Из тебя бы хороший воин вышел, – продолжал Стрелец. – Княжеский дружинник или наемник. Или разбойник на худой конец.

– Подчиняться не люблю, – ответил Виктор. – Наверное, в этом причина.

А-Ка все же отвлек его от тягостных мыслей и разговорил, за что Виктор был благодарен Стрельцу. Сейчас – тот редкий случай, когда говорить лучше, чем думать. И он говорил. Объяснял:

– Над дружинником стоят князь и воевода. Над наемником – наниматель. Над разбойником – главарь-атаман.

– Насчет воеводы, князя и нанимателя ты прав, конечно, но уж в атаманы-то мог бы и сам пробиться.

Виктор покачал головой:

– Разбойный люд – народец без будущего. Не княжьи люди, так зеленокожие или другие твари их рано или поздно, но отправят к праотцам. Да и душегубствовать не хочется. Не мое это. Хочу сам себе хозяином быть. Поэтому и торгую.

– Хозяином, оно, конечно, быть хорошо, – согласился Стрелец. – Но тяжело, когда впереди котловые мутанты, а позади долговая яма. По мне так лучше послужить за хорошую плату хорошему нанимателю. Вроде тебя, вон.

В словах А-Ка не было лести. Стрелец вообще не умел льстить. Он, как и Костоправ, говорил только то, что думал. Правда, в отличие от лекаря мог и промолчать, если нужно. Но вот врать и льстить не стал бы никогда и никому.

Виктор вздохнул:

– Тут ведь такое дело, А-Ка. Пока служишь хорошему нанимателю – все прекрасно, но рано или поздно любая служба заканчивается. А кушать хочется. А наемников вокруг много. Так что волей-неволей приходится порой служить и плохому хозяину. Разве не так?

На этот раз А-Ка не ответил.

– Уж лучше я как-нибудь покручусь между долговой ямой и мутантами, – закончил Виктор.

Глава 5

Южного Приуралья не было. Вернее, было лишь то, что от него осталось. А осталось от города немного.

Что случилась беда, стало ясно, как только повозки вышли из леса на открытое пространство. Обоз остановился.

– Ёо-о-оперный бабай! – пророкотал басок Костоправа. Лекарь, как всегда, не стеснялся выражать свои чувства.

Впереди виднелись ров, окружавший небольшую возвышенность, на которой стоял Приуральск, оборонительный вал с частоколами и невысокая закопченная и обугленная бревенчатая стена: двойной сруб, засыпанный изнутри землей. В некоторых местах стена обвалилась и сползла вниз. Кое-где над ней, словно гнилые зубы во рту старухи, торчали полуразрушенные деревянные башни. Между двумя самыми мощными башнями располагались ворота. Одна воротная створка – перекошенная и обгоревшая, едва держалась на петлях. Вторая лежала на черной земле.

За стеной и вовсе было сплошное пепелище. Практически все стоявшие на огороженной территории (селиться снаружи здесь ни у кого бы и мысли не возникло) постройки выгорели подчистую. В некоторых местах еще поднимались к небу слабые дымки. Перед крепостью, в заболоченном рву, на валах и частоколах, не тронутых огнем, валялись трупы. Много трупов. Растерзанные хищниками и падальщиками останки зеленокожих дикарей, которых сейчас распознать было проще не по цвету кожи, а по особенностям скелета, отличавшегося от человеческого.

Ветер, подувший со стороны города, принес тошнотворный запах разлагающихся тел.

Бой здесь шел нешуточный. Судя по всему, Приуральск штурмовали сразу несколько дикарских кланов. Но то, что кругом валяются трупы котловых мутантов, вовсе не значит, что победили люди. Зеленокожие просто не хоронят своих. Не имеют такой привычки.

Судя по нависшей над городом тишине, Приуральск был мертв. Дикари наверняка сожрали убитых, а пленных угнали в Котел для жертвоприношений. Укрепления не спасли город. Впрочем, от мутантов берегут не стены, а защитники стен. И хорошее оружие.

Наверное, чего-то Приуральску не хватило. Либо первого, либо второго.

Виктор заметил движение. Человек? Зеленокожий дикарь? Нет, на частокол тяжело взлетела крупная – размером с пару соболяков – черная птица. Всеядный вран – хищник и падальщик в одном лице. Доминирующий вид среди пернатых котловых мутантов. Такие часто прилетают из-за Хребта. Вран, судя по всему, жрал мертвечину, а вышедшие из леса люди ему помешали.

– Каух! – разнесся далеко вокруг возмущенный крик птицы.

И тут же, словно эхо, отозвалось со всех сторон...

– Каух! Каух! Каух! – неприятный клекочущий звук резанул по ушам.

Еще несколько вранов поднялись на стены, башни и частокол. С полдюжины птиц закружились над крепостью и обозом, словно давая понять, что отныне это их владения и чужакам сюда дороги нет.

Виктор заволновался. В лесу, пока обоз шел по тракту, прикрытому сверху деревьями и кроновыми мхами, врановые стаи не представляли большой опасности. Но здесь им, конечно, раздолье.

– Каух! Каух! Каух! – крики крылатых тварей становились все более громкими и угрожающими.

Видимо, не все враны успели насытиться. Их трапезу прервали, и теперь птицы проявляли недовольство. Стая, правда, была не очень большая, но и она могла напасть. Черные

котловые птахи – создания злобные и агрессивные, да и живое мясо враны все-таки любят больше, чем падаль. Следовало быть настороже.

– Отходим обратно к лесу! – крикнул Виктор.

Однако укрыться за деревьями они не успели.

* * *

Из-за городской стены в воздух вдруг разом поднялась пара десятков новых птиц, привлеченных криками сородичей. Вранов оказалось больше, чем предполагали обозники.

Громко выматерился Костоправ. Виктор тоже добавил от себя пару ласковых.

А-Ка прицельным рычагом поднял до упора многозарядный стреломет на корме автоповозки.

– Мать вашу в пух и перья, летуны долбаные! – орал с другой повозки Костоправ, раскладывая перед собой заряженные арбалеты и самопалы. – Клювом в зад вас всех, враново отродье!

– Каух! Каух! – несло в ответ.

От стаи оторвались и ринулись вниз первые черные комья.

То ли враны решили, что люди покушаются на их законную добычу, то ли надеялись пополнить запасы этой самой добычи впрок. А может быть, набросились на обоз просто так, от бессмысленной природной злобы, которой отличаются многие котловые мутанты.

Звякнула тетива стреломета. Бухнул тяжелый самопал-гаковница. Стрелы перебили крылья двум птицам и без видимых последствий скользнули по гладкому плотному оперению третьей. Заряд картечи попал еще одной твари в голову. Та перекувыркнулась в воздухе и тяжело рухнула на землю.

Виктор навскидку выстрелил из пистоля. Без толку. Или промазал, или мелкая пистольная картечь не пробилась перьевую броню. Ушел в белый свет, как в копеечку, арбалетный болт, выпущенный Киркой.

Стая отпрянула было, но уже в следующую секунду атаковала снова.

Бум! Удар мощного клюва и сильных лап в борт едва не опрокинул автоповозку.

Упал быкоть, впряженный в повозку Костоправа. Защитная попона уберегла животное от агрессивной птицы, но быкоть запутался в упряжных ремнях и не смог быстро подняться. Со второй попытки вран острыми, как ножи, когтями вспорол скотине уязвимое брюхо и сразу же потянул клювом потроха из раны.

– Ах, ты ж сука! – взревел Костоправ.

Раскрученная гирилка на конце длинной цепи достала птицу. Шипастый кистень угодил во враний глаз. Крылатая тварь дернула головой, издала хриплый клекот и, колотя крыльями по земле, попыталась отползти в сторону. Вторым ударом Костоправ добил тварь.

– Золотой! – закричал А-Ка, отмахиваясь от пернатых мутантов мечом. – Бомбарда!

Длинный клинок Стрельца сломал крыло одной птице, отбросил вторую...

Виктор уже стоял у орудия. Чем хорош турель-лафет – так это тем, что установленную на него бомбарду, в отличие от бортовых тележных орудий, можно вертеть во все стороны и задирать вверх.

Впрочем, сильно задирать не пришлось: враны металась над самыми повозками. Здоровенные такие орудия мишени. Хоть и летающие, но не очень маневренные. По таким «воробьям» бить из пушки – самое милое дело.

Виктор чуть приподнял ствол, чтоб не задеть ненароком обозников и быкостей. Зафиксировал крепезным штырем.

Потом щелчок канонирской зажигалки.

Ба-бах! Автоповозка вздрогнула от неслабой отдачи. Как всегда.

Заряд крупной картечи вошел в самую гущу тварей. В стороны полетели перья, кровь, оторванные крылья, лапы и головы. Сразу с полдюжины черных измочаленных тушек грохнулись на землю. Две раненые птицы забились между повозками, поднимая пыль и окропляя все вокруг кровавыми брызгами.

Враны разлетелись. Но ненадолго. Не дав возможности перезарядить оружие, птицы вновь накнулись на повозки.

Вскрикнул Кирка.

Оглянувшись, Виктор увидел, как сразу две крылатые твари сдернули раненого с повозки.

Костоправ с ревом бросился на помощь, но в этот раз лекарь опоздал. Мелькнувший в воздухе кистень захлестнул стреломет, запутался...

Еще один вскрик Кирки – и два врана прямо в воздухе разорвали человека. Бедняга, избежавший смерти от клыков соболяка, принял ее от врановских когтей.

Проклятье! Трижды проклятье! Виктор скрежетнул зубами. Он потерял еще одного человека!

Впрочем, надолго ли им суждено пережить Кирку?

Птицы атаковали снова. Все разом.

«А ведь не отобьемся, – вдруг отчетливо понял Виктор. – Уже – никак!» Смерть хлопала над головой черными крыльями и противно орала прямо в ухо.

А потом сквозь враний ор пробился другой звук.

Выстрелы? Точно! Одиночные. Отдаленные. Виктор удивленно завертел головой.

Неужели винтовка?

– Снайперка! – опознал оружие А-Ка, сам ошарашенный до крайней степени. – СВД!

Действительно, стрелял, судя по всему, снайпер. Редко. Но метко. Каждый выстрел сбивал одну из кружащихся над обозом тварей. А то и по две сразу.

Всего прозвучало пять выстрелов. На землю свалилось семь вранов.

Этого оказалось достаточно. То ли стая понесла критические потери, то ли сметливые птицы сообразили, насколько опасен новый невидимый враг, безнаказанно выбивающий их по очереди. С возмущенным «каух!», словно проклиная людей, враны взмыли вверх и скрылись за лесом.

* * *

Ну и что это было?

Виктор поднялся над автоповозкой, всматриваясь в ту сторону, откуда, как ему показалось, звучали выстрелы. И точно – на краю леса замаячили несколько всадников и какой-то человек, ведущий в поводу оседланного быконя. В руках у спешившегося незнакомца была длинноствольная винтовка.

Стоп, а вон там что за группка выезжает из леса? И там тоже. И еще. И опять...

Неизвестные наездники появлялись отовсюду сразу, окружали повозки и уверенно сжимали кольцо. От леса сибиряков уже отрезали. Небольшой отряд перекрыл путь и к сгоревшему городу.

Час от часу не легче! Виктор начинал жалеть, что враны улетели. Может быть, все-таки предпочтительнее было иметь дело с ними. От черных котловых птиц хотя бы знаешь, чего ожидать. А вот эти... Кто они? Чего хотят?

– Перезаряжайте бомбарды и самопалы! – послышался голос А-Ка. – И из-за бортов пока лучше не высовывайтесь.

Таково неписаное правило прикотловых территорий: если не знаешь, кто к тебе приближается, – готовься к драке. Целее будешь.

Впрочем, загадочные всадники – а их выезжало из леса все больше и больше – нападать не спешили. Кружили в отдалении, но не приближались. И враждебных намерений пока вроде не проявляли.

Наездники сидели на невысоких степных быконях и были вооружены луками, копьями и саблями. Как минимум, у одного имелся автомат. Двое были с ружьями. Ну и тот, с винтовкой. Который, кстати, тоже уже впрыгнул в седло.

Еще один всадник держал длинный шест с перекладиной и болтающимися хвостами быконей.

– А-Ка, – позвал Виктор Стрельца. – Это то, о чем я подумал?

Тот кивнул:

– Да, похоже, ордынцы пожаловали.

– Но откуда они здесь?

А-Ка неопределенно пожал плечами:

– Граница рядом. И не только с Большим Котлом.

Южная граница Великого княжества Сибирского действительно проходила неподалеку от Приуралья. Владения Орды начинались на расстоянии дневного перехода от сгоревшего города.

И все же странно. Орда, занимавшая необъятные, практически не пострадавшие во время Бойни монгольские и восточноказахские степи, а также Южную Сибирь и северные китайские провинции, считалась союзником Сибирского княжества. Пусть формальным, пусть не очень надежным, но делить сибирякам и ордынцам на самом деле было нечего.

Степные кочевники, тем более в таком количестве, крайне редко забирались в сибирские леса. Они вообще лесов не любили. В особенности тех лесов, что росли возле Большого Котла. От Котла ордынцы старались держаться подальше и обычно кочевали сильно восточнее Южного Урала. В Приуральск из Степи приходили только хорошо охраняемые купеческие караваны. Но эти-то всадники явно не купцы.

Так что же случилось? Неужели набег? Неужели война с Ордой? В душу Виктора закралось сомнение. А что, если Приуральск сожгли вовсе не зеленокожие дикари?

* * *

– Приготовиться к бою! – негромко сказал Виктор.

Вообще-то особого смысла в этом не было. Степняков – больше. И вооружены они лучше. Им даже не нужно приближаться. Если захотят – расстреляют обозников с безопасного расстояния. Как вранов. Бомбарды, самопалы, арбалеты и многозарядные стрелометы – все это было рассчитано на ближний лесной бой. А калаш Стрельца сейчас, увы, бесполезен.

Однако ордынцы не стреляли.

К сибирякам направился всадник. Один. Тот самый, с винтовкой.

Парламентер? А похоже на то.

– Не стрелять! – приказал Виктор.

Костоправ пробурчал что-то нелицеприятное в адрес всей Орды вообще и приближающегося кочевника в частности.

Виктор недовольно покосился на лекаря:

– Костоправ, ты бы попридержал язык, пока я с ним говорить буду, а? А то ляпнешь чего...

Обиженный лекарь еще что-то буркнул и отвернулся.

И ладно! Лишь бы в беседу не вмешивался.

А-Ка демонстративно взял в руки калаш. «Правильно», – мысленно одобрил Виктор. Патронов в автомате нет, но ведь степняки об этом знать наверняка не могут. Так что тоже пусть поострегутся лезть на рожон.

Ордынский Стрелец-снайпер подъехал к повозкам и натянул звякнувший бляхами повод. Крепкий, приземистый быконь с густой гривой, сильными ногами и толстыми костяными наростами, покрывающими все тело, шею и голову, фыркал и рыл копытом землю. Дополнительную защиту животному обеспечивал металлический налобник и густая кольчужная сеть, свисающая до массивных бабок.

Сам кочевник был облачен в кожаный доспех, укрепленный стальными наплечниками, нагрудным зеркалом, брюшными, боковыми и наспинными пластинами. Голову всадника прикрывал железный шлем-шишак с меховой оторочкой и исцарапанными пластиковыми щитками.

Степняк, подогнув ноги, сидел в седле с небольшими луками и высоко поднятыми стременами. У седла висели лук, колчан со стрелами, маленький круглый щит, плетенный из прутьев и обтянутый быконской шкурой. На поясе слева болталась кривая сабля. Из-за спины торчала винтовка с оптическим прицелом.

Глава 6

– Кто главный?! – крикнул ордынец по-русски, улыбаясь во весь рот, отчего его маленькие узенькие глазки на круглом лице вовсе превратились в щелочки.

– Ну я, – Виктор поднялся над бортом автоповозки.

– Кто вы? Откуда едете? Куда?

Виктор нахмурился:

– А может, для начала сам представишься?

Кочевник перестал улыбаться.

– Меня зовут Батцэцэг. Воины, которых вы видите, – нукеры великого Удуг-хана, провозглашенного на всеордынском курултае ханом ханов...

Да, Виктор был в курсе. Не так давно во главе Орды встал молодой и деятельный хан Удугэй или, как его еще называли, Удуг-хан.

– А я здесь за толмача, – закончил степняк.

– Я смотрю, ты не только толмачишь, – Виктор указал взглядом на винтовку ордынца.

– Ага, – уголки Батцэцэгова рта снова поползли вверх, – и за снайпера я тоже. А ты кто, сибирский урус? И что за люди едут с тобой?

– Я купец. Зовут Виктор. Прозвище – Золотой. Это, – Виктор кивнул на повозки, – мой обоз и мои товары. Иду из Сибирска в Приуральск. Вернее...

Виктор покосился на сгоревший город.

– Шел вернее...

– Викатар, – повторил ордынский переводчик-снайпер, коверкая непривычное имя. – Золотой Викатар, значит.

Сочувствуя вздохнул:

– Приуральск-город – плохо. Сгорел Приуральск-город.

И снова заулыбался:

– А купец – это хорошо, это очень хорошо.

– В каком смысле хорошо? – насторожился Виктор. – Грабить будете?

– Зачем грабить?! – возмутился Батцэцэг. – Мы не разбойники! Мы честные воины Великого хана.

– А почему тогда честные воины чужие повозки со всех сторон окружили?

– Чтобы вы в лес не сбежали, – без заминки отозвался кочевник. – Поговорить чтобы.

– О чем?

– Хотим узнать, не видели ли вы по пути сюда зеленых демонов, и если видели, то где.

– Там, где видели, – их уже нет, – угрюмо ответил Виктор. – В паре дней пути отсюда зеленокожие напали на обоз.

– Много их было?

– Немало. Почти всех моих людей в лес утащили.

– Но вы-то сами отбились?

– Отбились.

– Значит, не так уж и много демонов на вас напало, – подытожил Батцэцэг. – Иначе не спаслись бы.

И задал следующий вопрос:

– Больше никого не встречали?

– Поблизости – нет. Только вот вранов. Да еще был один соболяк.

– Ясно, – кивнул ордынец. – Значит, демоново племя уже ушло в Котел. А вы, наверное, на тыловой отряд наткнулись.

Виктор только покачал головой. Если там, на тракте, был всего лишь тыловой отряд...

– Неужели из-за Хребта так много зеленокожих повылазило? – спросил он.

– Тьма, – отрезал Батцэцэг. – Так что, считай, вам еще повезло, купец.

Ну... Кому-то повезло, кому-то нет. Виктор вспомнил о потерянных обозниках. Глянул на беднягу Кирку. Везение – оно понятие относительное.

– А что воины ордынского хана делают на территории, которая не принадлежит Орде? – спохватился Виктор.

– Удуг-хан не желает худого сибирскому князю и не причинит вреда его владениям и его людям, – ответил кочевник.

– Бреешь! – Костоправ все-таки не удержался: подошел к автоповозке и вмешался в беседу. – Вам, степнякам, врать, как с...

– Ты кто? – перебил его Батцэцэг, скользнув по лекарю неприязненным взглядом.

– Быконь в пальто! – огрызнулся Костоправ.

– В смысле? – Батцэцэг непонимающе наморщил лоб. – В попоне?

– В смысле: в пи...

– Молчать! – прорычал Виктор. – А-Ка, уведи ты его отсюда, ради Бога!

Стрелец силой оттащил лекаря в сторонку. Виктор повернулся к ордынцу, виновато развел руками:

– Не сердись на него. Бедняга иногда заговаривается. Он м-м-м... получил по голове дикарской дубинкой.

– Кто бы говорил! – вскинулся было Костоправ, но А-Ка пихнул лекаря в бок и увел его подальше.

Кочевник глянул в глаза Виктору:

– Дубинка – это слабое оправдание для наглеца, Золотой Викатар. За необдуманную дерзость можно и вовсе головы лишиться. Надеюсь, твой спутник осознает это и больше не будет дерзить?

– Я постараюсь его вразумить, – пообещал Виктор и вернул разговор в прежнее русло: – Так ты говоришь, что хан не хочет причинять вреда Сибирскому княжеству и подданным князя.

– Да, – кивнул ордынец. – Но хан хочет защитить свои кочевья от набегов зеленых демонов и других тварей, которых не смогли остановить воины князя.

– При чем тут демоны и твари, Батцэцэг? Вы нарушили границу и вступили на сибирские земли!

– Мы сделали это, потому что из ваших лесов на наши пастбища пришли мутанты. Так много, как не приходило никогда раньше. Они губят скот и истребляют целые рода. Зеленые демоны приносят в жертву своим богам подданных хана. Тварей, лезущих из Котла, следует истреблять и гнать обратно за Урал-Хребет. Для этого Удуг-хан и прислал сюда своих лучших нукеров.

– А может быть, вы пришли для того, чтобы сжечь Приуральск? – прищурился Виктор.

* * *

Батцэцэг скривился:

– Золотой Викатар, ты совсем глупый урус, да? Зачем нам жечь город, который защищает Орду от котловой нечисти?

«Вообще-то, верно, – поразмыслив, решил Виктор. – Смысла в этом не было». Приуральск действительно прикрывал не только юго-западные рубежи Сибирского Княжества, но и северо-западные границы Орды.

– Удуг-хан запретил грабить сибирские города, селения и обозы. Ему не нужна война с теми, кто, охраняя свой покой, вынужден беречь и покой Степи.

Что ж, это были циничные, но, похоже, честные слова.

– Тогда как вы оказались под Приуральском? – спросил Виктор.

– Шли по следам демонов. Вышли к городу. Увидели пепелище. Проверили. Живых не нашли.

– А оружие? Я имею в виду старое оружие?

Возможно, ордынцы и не грабили никого, но как насчет мародерства в сожженном городе?

Батцэцэг покачал головой:

– Зеленые демоны разбили все, что можно было разбить, и сожгли все, что можно было сжечь. Боеприпасов тоже не осталось. Мы видели только стреляные гильзы. Наверное, защитники крепости израсходовали все свои запасы.

– А городские арсеналы и базарные склады смотрели?

– Они сгорели дотла.

Вроде бы Батцэцэг говорил искренне, но как было на самом деле? То, что ордынцам не удалось ничем поживиться в павшем городе, могло быть правдой и ложью с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Выяснить это точнее уже не представлялось возможным.

– На ваше счастье мы не успели далеко уйти от города, – продолжал кочевник. – Услышали стрельбу. Повернули назад.

– И тоже начали стрелять?

– Так не по тебе же, купец, и не по твоим людям, – пожал плечами Батцэцэг. – Если бы я стрелял по вам, то, будь уверен, не промахнулся бы. Но мы посланы убивать тварей из Котла, а не сибирских урусов. Черная стая, как и зеленые демоны, – большая беда для Степи. Кстати, ты должен мне пять патронов, Золотой Викатар, – неожиданно заявил степняк. – Автоматные вполне подойдут.

Батцэцэг недвусмысленно смотрел на калаш в руках А-Ка. Стрелец, оставив разобитого на всех Костоправа в одиночестве, как раз подходил к ним.

– За что это я должен? – опешил Виктор.

– За то, что я отогнал от твоего обоза черную стаю.

– Так вас же для того и послали, чтобы истреблять котловых тварей!

– Но ведь мы могли бы подождать немного и заняться их истреблением уже после того, как черная стая растерзала бы вас и оставила все ваше добро без хозяев.

– Одного из наших растерзали, – заметил Виктор, переведя взгляд на останки Кирки.

– Мне жаль, что мы пришли поздно, – кажется, сожаление Батцэцэга было искренним, – Но мы все-таки пришли и помогли вам.

Виктор насупился. В словах ордынца был свой резон. В самом деле, кочевники ведь могли им и не помогать. Зачем тратить дорогие боеприпасы, если кто-то другой уничтожает тварей, пусть даже и погибая при этом?

– Заметь, я прошу возместить только пять патронов – добавил Батцэцэг, – Столько, сколько я потратил на черную стаю. Это справедливо.

Наверное. Но...

– Нет у меня патронов, – глухо сказал Виктор.

– Автомат есть, – степняк снова скользнул взглядом по калашу в руках А-Ка, – а патронов нет?

– Патроны кончились. А торгую я другим товаром.

– Что за товар? – живо заинтересовался ордынец. Да, этот парень – не промах. Хан запретил грабить и разбойничать на территории союзного княжества, но торговаться и вымогать плату за спасение запрета не было.

Ладно... Виктор решил не скрытничать. В конце концов, как ни крути, а ордынцы действительно здорово их выручили. Нужно отблагодарить.

– У меня в основном – шкуры соболяков и горючка, – сказал он.

Степняк расплылся в улыбке:

– Шкуры – хорошо. Топливо – еще лучше.

Радость Батцэцэга можно было понять. Соболяки в степь не заходили. Что им делать там, где нет кроновых мхов? А ордынская знать любила теплые одежды из дорогих шкур. Да и обшить свою юрту-гэр соболячьим мехом у кочевников считалось высшим шиком. Правда, позволить себе такое могли лишь самые богатые ханы и князья-нойоны.

С топливом в ордынских землях тоже было плохо. Нефтью в степи и не пахло. Так что сибирскую горючку кочевники скупали охотно и в больших количествах.

Взамен степняки гнали в Сибирь главное богатство Орды – быконей, годных и для войны, и для работы. Практически вся княжеская кавалерия разъезжала на неприхотливых низкорослых «ордынцах». Да и в купеческих обозах тоже частенько попадались животные чистых степных кровей или полукровки.

Иногда кочевники рассчитывались и боеприпасами. Где они их брали? А кто ж скажет. Орда большая, ее земли почти не пострадали от Бойни, так что военных складов там, наверное, уцелело немало.

– Давай так, купец: один соболяк, и считай, что мы с тобой в расчете, – предложил Батцэцэг.

Виктор переглянулся с А-Ка. У Стрельца, слышавшего заключительную часть разговора, аж челюсть отвисла. Пять патронов за шкуру – совсем неплохая цена. И ведь наверняка Батцэцэг, предлагая ее, своей выгоды не упустил. Это ж сколько тогда за соболяка в самой Орде получить можно?

– Договорились, – кивнул Виктор. И добавил: – За рожок патронов к калашу дам еще шесть шкурок. Или канистру горючки.

– Только это... Нам нужен калибр семь шестьдесят два, – уточнил А-Ка.

– Идет! – легко согласился ордынец. Даже, пожалуй, чересчур легко. Батцэцэг мельком глянул на автоматчика из своего отряда. – Будут вам автоматные семь шестьдесят два.

И заулыбался еще шире:

– Ай, какой золотой купец!

Виктор тоже улыбнулся. А что? Так торговать можно.

– Хочешь – еще патронов достану, – заговорщицки подмигнул ему Батцэцэг.

– Еще? – удивился Виктор. В душу закралось сомнение: может быть, ордынцы все-таки помародерничали в павшем Приуральске? Или Удуг-хан так щедро снабжает свои карательные отряды?

– Соболяки и топливо – хороший товар, Золотой Викатар. А патроны у нас есть – не сомневайся.

Соблазн согласиться немедленно был большой, но...

– Хватит пока, – Виктор покачал головой.

Раз его товар действительно настолько хорош... В голове уже начала формироваться одна безумная мыслишка.

* * *

– Жаль, – заметно огорчился толмач-снайпер. – Ну, а куда ж ты теперь свой товар повезешь?

Батцэцэг многозначительно глянул в сторону сгоревшего города. Некуда, мол...

– Думаю пока, – уклончиво ответил Виктор.

– Хороший совет хочешь?

– Ну?

– За еще одного соболяка.

М-да, губа не дура.

– Если твой совет того стоит.

– Езжай с нами к хану Удугу.

Виктор сделал изумленное лицо, хотя то, что говорил Батцэцэг, соответствовало намерениям, возникшим у него самого.

– Хан сейчас недалеко от границы, – продолжал кочевник. – Он благоволит к иноземным купцам. Ты сможешь выгодно сбыть свой товар прямо в его ставку.

Виктор сделал вид, что задумался.

– За разумную плату мы бы могли и тебя сопровождать, и твое добро сохранить в дороге, – не преминул вставить Батцэцэг.

Ну, конечно. Опять плата. Впрочем, в этом мире мало что дается бесплатно.

– Вообще-то у меня есть охрана, – все же заметил Виктор.

– Твоя охрана, может быть, и хороша в лесу, но не в степи, – резонно возразил ордынец. – Да и мало у тебя охранников осталось, купец.

Что ж, верно подмечено...

– А у нас сотня бойцов. Мы всего лишь один из многих отрядов, посланных Удугханом в приуральские леса, но все-таки с нами тебе и твоим людям будет безопаснее.

Тут, конечно, не поспоришь.

– И дорогу к ханской ставке без нас ты не найдешь, – добил Батцэцэг.

В этом тоже степняк прав.

– Так что подумай, Золотой Викатар.

Предложение было заманчивое. Более чем. Вообще-то у Виктора давно уже зрела задумка выбраться за пределы княжества, да все не было возможности. Впрочем, и другие сибирские купцы на такое тоже не решались. Проще было торговать дома и водить обозы по опасным, но худо-бедно накатанным маршрутам от Сибирка-на-Оби до окраинных городов. А лезть из родных лесов в чужую неприветливую степь... Ну вылезешь – и где искать кочевников? Куда товар везти? Как на открытом месте, где все на виду, отбиваться от котловых тварей, обходящих Хребет с юга, и от недобрых людей?

Но сейчас словно кто-то подталкивал в спину. Приуральска больше нет. Возвращение с нераспроданным товаром грозит разорением, и тут уж абы какая торговля не поможет. А вот если сбыть товар в Орде... Пожалуй, это был единственный выход.

Только для начала...

– Мы должны похоронить товарища, – Виктор перевел взгляд на мертвого Кирку.

– Святое дело, – согласился Батцэцэг. – Помощь нужна?

– Спасибо, сами справимся, – ответил Виктор. – А еще я должен посоветоваться со своими людьми.

– Зачем? – удивился Батцэцэг. – Обоз же твой и товар тоже.

– Но люди-то свободные. Насильно тянуть с собой я никого не могу.

– Ну, советуйся, купец, – пожал плечами степняк. – Только учти: мы долго ждать не будем. Отправим сейчас послов к твоему князю – пусть тоже знает, что тут стряслось, – и двинем обратно.

Толмач повернул коня и направился к своим. Кольцо вокруг обоза разомкнулось. Казалось, ордынцы утратили всякий интерес к сибирякам. Однако и уезжать степняки пока не спешили.

* * *

Кирку схоронили здесь же, в Приуральске. Копая вместе с А-Ка и Костоправом могилу, Виктор думал о том, как мало он успел узнать об этом парне с забавным большим носом. Хотя, казалось бы, столько дней ехали вместе! А много ли он знал о других наемниках, которые впервые пошли с ним в поход и которых он тоже потерял на тракте? Увы, иногда смерть приходит слишком быстро и не дает возможности по-настоящему познакомиться с человеком. Тогда остается только похоронить погибшего спутника по-человечески. Хотя бы одного из многих.

На городском валу появился одинокий крест, сбитый из двух обгоревших досок. Они повязали на перекладину три жертвенные тряпицы. Попрощались с мертвым наемником. Теперь надо было заняться делами живых.

Степняки по-прежнему ждали в отдалении. Не мешали.

– Решайте сами, – обратился Виктор к А-Ка и Костоправу. – Я вас нанимал только до Приуральска и обратно. О другом речи не шло. В общем, как скажете – так и поступим. Скажете с ордынцами ехать – поедем. Скажете возвращаться – вернемся. Без вас я все равно товар до Орды не довезу. Один в поле не воин и на базаре – не купец.

Совещание длилось недолго. Собственно, и не было совещания как такового. Стрелец и лекарь лишь перекинулись несколькими фразами. Первым заговорил А-Ка.

– Золотой, мы так порешили, – обстоятельно и неторопливо начал он. – Ты платишь больше других, к людям относишься по-человечески и обмана за тобой не водится. А еще рискованный ты мужик, купец. Нам такое по нраву. Рисковых удача любит. Да и вообще... – Стрелец широко улыбнулся, – без хорошего барыша возвращаться тоже как-то оно не с руки. Ни тебе, ни нам.

– В Орду торговать еще никто из наших купцов не ходил, – напомнил Виктор.

– Значит, мы пойдем первыми, – пожал плечами А-Ка. – Надо же кому-то начинать.

– Костоправ? – Виктор вопросительно взглянул на лекаря. – Если есть сомнения – говори сразу. Потом поздно будет.

Костоправ выматерился.

– Слушай, Золотой, я че-то не пойму, то ли ты нас держишь за...

Лекарь вернул одно из тех словечек, которые в приличном обществе не говорят.

– ...то ли сам такой!

«Значит, и правда, согласны», – с облегчением подумал Виктор.

За спиной послышался стук копыт. Виктор обернулся. К ним подъезжал толмач.

– Эй, Золотой Викатар! – прокричал Батцэцэг. – Мы уезжаем! Что вы решили?!

– Едем с вами! – ответил Виктор.

– Ага! – обрадовался ордынец. – Что, стоит мой совет соболяка?

Да, такой о себе не забудет. Виктор кивнул.

– Получишь шкуру, Батцэцэг. С кем договариваться о плате за сопровождение?

Глава 7

Коренастому кривоногому сотнику Солонгу, возглавлявшему отряд ордынцев, пришлось отдать еще две соболяковые шкуры. Вообще-то, Виктор думал, что степняки запросят больше, но, видимо, шкуры опасного лесного зверя ценились в Орде очень высоко и сильно нагнать кочевники не стали.

Виктор все же велел обозникам быть начеку. Так, на всякий случай. Мало ли что на уме у этих ордынцев. Может, заведут подальше в степь, да там и покажут свою истинную личину.

– Правильно, – поддержал Виктора Костоправ. – Сопли нам сейчас жевать нельзя, а то хрен его знает... Толмач этот, как его там... Бац-бац...

– Батцэцэг, – подсказал Виктор.

– Во-во, что-то лыбится он много. А потом – глядишь, из снайперки своей всех нас того... бац-бац... И дружки его мне что-то не очень нравятся. Степное племя, мать его, не верю я им.

– Осторожность, она, конечно, не помешает, – рассудительно сказал А-Ка, – но вообще-то «бац-бац» нас ордынцы могли бы сразу под Приуральском.

– Много ты понимаешь, умник! – махнул рукой лекарь, однако продолжать спор не стал. Видимо, на такой аргумент нечего было возразить.

Пока все шло спокойно. Ордынские быкони трусили впереди. Сибирские повозки двигались следом. Изредка удавалось переброситься парой фраз с толмачом-Стрельцом. Но вообще-то кочевники зря не болтали: все больше настороженно зыркали по сторонам.

Лес закончился, началась степь. Дорога стала легче.

Хоть они и удалились уже основательно от Большого Котла, но ближние и дальние дозоры во все стороны ордынцы отправлять не забывали. «Осторожные ребята, – с одобрением подумал Виктор. – Даже на своей территории бдительности не теряют».

Он с любопытством вертел головой, осматривая чужие земли.

– Ну, блин, и местечко, мать его, – доносилось с соседней повозки недовольное бухтение Костоправа. – Все просматривается, как бритая... М-да... Срам один! По ветру пойдешь – приткнуться некуда! А если по большому приспичит – в траве, что ли, хорониться? А подтираться чем? Сеном вот этим? Сухостоем с колючками? И бабу хрен завалишь, чтоб никто не видел. Как только тут ордынцы живут?!

Действительно, чудно было после сибирской тайги двигаться по необъятной, заросшей сухой и пахучей травой степи – местами ровной, как стол, местами изрезанной частыми холмами и оврагами, будто скомканной, как плохо выделанная и скверно просушенная кожа.

С любой возвышенности ордынская степь просматривалась до горизонта, что было и опасно, и удобно одновременно. Опасно, потому что пробравшаяся сюда котловая тварь могла издали увидеть добычу. Удобно, потому что и самой твари трудно было бы подойти к людям незамеченной.

* * *

Еще на дальних подступах к ханской ставке появились многочисленные и хорошо вооруженные дозоры. Причем очень хорошо вооруженные: среди всадников, встречавших сотню Солонга, часто попадались ордынские Стрельцы со старыми стволами.

Перекинувшись несколькими словами с соплеменниками, к которым примкнули сибиряки, и наскоро осмотрев купеческие повозки, разъезды пропустили отряд.

Миновав дальние дозоры, Солонг послал вперед гонца с донесением.

– Хан Удуг должен знать, что мы возвращаемся, – пояснил Батцэцэг. – С какими вестями и с какими гостями.

Вскоре на горизонте показались поднимающиеся к небу дымки. Много. Словно вся степь курилась. А еще некоторое время спустя Виктор смог разглядеть ордынское становище. Вернее, лишь ту его часть, к которой они приближались: уж слишком велик оказался лагерь. Хотя, пожалуй, и не лагерь даже. По сути, это был огромный передвижной город, словно по волшебству возникший среди бескрайней степи.

– Них-х-хрена себе! – не удержался от комментария Костоправ. – Да этих ордынцев тут туева хуча! Порасплодились, мля, как твари в Котле.

Слава Богу, Батцэцэг не услышал. Сравнение степняков с котловыми мутантами могло быть расценено как оскорбление.

Виктор велел лекарю заткнуться и попросил А-Ка приглядывать, чтобы впредь Костоправ держал язык за зубами.

– В случае чего – сразу прикладом в зубы, – вполне серьезно сказал Виктор. Ради безопасности всей группы он готов был предоставить Стрельцу и такие полномочия.

Лекарь обиженно засопел. Ну вот и пусть себе сопит в две дырочки. Нарываться в чужих владениях на конфликт из-за неосмотрительно брошенного слова не хотелось. Как показывал опыт общения с Батцэцэгом, среди кочевников встречались ордынцы, знающие русский, а высказывания обозного эскулапа не всегда соответствовали дипломатическим нормам и правилам хорошего тона.

Вокруг ханской ставки тоже была выставлена вооруженная охрана, но и ее миновали без проблем. Въехали на территорию лагеря. Виктор смотрел во все глаза. Такая жизнь была ему в диковинку.

Бесчисленные юрты (или, как их называли сами ордынцы, – гэры), палатки, кибитки и повозки располагались кольцами-курениями вокруг самых богатых и просторных шатров, обшитых соболячьими шкурами. Эти жилища явно принадлежали ханским военачальникам и князькам-нойонам. Шатры поменьше и попроще прикрывал рваный брезент, вытертый войлок и полиэтиленовая пленка.

У гэров ордынской знати стояли воткнутые в землю шесты, украшенные хвостами быконей. Знамена-бунчуки...

Перед шатрами и палатками горели костры. В больших котлах, подвешенных над огнем, ордынцы готовили пищу. Дразнящий аромат стряпни мешался с вонючим дымом: в качестве топлива использовались травяной сухостой и быконские кизяки.

По лагерю бродили пешие степняки и ездили всадники. Было шумно и на первый взгляд бестолково. Но, наверное, только на первый взгляд. Ханское становище напоминало огромный муравейник, в котором кипит особая, непонятная стороннему наблюдателю, но при этом вполне упорядоченная жизнь.

Возле самых больших шатров стояли автоповозки, приспособленные к кочевой жизни. В основном – переделанные высокоосные внедорожники с навесами и грузовики с расширенными и утепленными кунгами. Но были здесь также и небольшие автобусики и фургончики, некоторые с палатками на крышах. Были и простые автоприцепы с юртами, мало отличающиеся от обычных кибиток.

Виктор заметил даже пару мотоциклов с крытыми колясками и квадроцикл, над которым был установлен небольшой полог на длинных жердях. По сибирским лесам на таких драндулетах не очень-то погоняешь, но для степных равнин они годились вполне.

На технике и возле нее висели и лежали упряжные ремни. Все авто– и мотоповозки, конечно же, двигались не своим ходом. Кочевники, как, впрочем, и сибиряки, позволяли себе заводить старые изношенные двигатели и расходовать дорогое топливо лишь в случае крайней необходимости. Основная тяга ордынского транспорта была гужевой.

Возле становища и далеко в степи паслись табуны быконей, годных и под седло, и в упряжь. Такие уж сейчас времена: не лошадиные силы, заключенные под капотом, тянут машину, а быконские. Причем тянут не в переносном, а в самом, что ни на есть, прямом смысле. И от мощности двигателя тут уже ничего не зависит. Все зависит лишь от того, сколько весит машина и сколько скотины в нее впряжено.

Многие автоповозки и простые кибитки имели вооружение: в основном тугие дальнобойные самострелы. Бомбарды и самопалы у степняков встречались реже. На двух повозках Виктор заметил пулеметные стволы.

Кое-где торчали небольшие ветряки. Установленные возле богатых шатров – на земле, а то и прямо в повозках, прицепах и кузовах, они смотрелись в пестром таборе кочевников несколько диковато. Ветряки были маломощными и их было немного, но какое-то количество энергии лопасти, вращающиеся на сильном степном ветру, все же производили.

* * *

Поставленные кругами курения ордынских князьков и военачальников в свою очередь образовывали самый большой круг. Здесь, в самом центре лагеря, на вершине кургана высился огромный, как боярский терем, и пестрый, как праздничные одежды сибирской княгини, шатер. Над шатром торчал приметный бунчук, украшенный девятью белыми быконскими хвостами.

Крышу шатра и поставленной рядом автоповозки покрывали странного вида широкие и гладкие ячеистые панели, которые при внимательном рассмотрении оказались вовсе не пластиковыми кровельными щитками и не шкурами неизвестных мутантов.

– Батцэцэг, что это? – Виктор повернулся к толмачу.

– Солнечные батареи, – невозмутимо ответил тот.

– Ма-а-ать моя женщина! – не сдержался Костоправ.

– Все матери – женщины, – удивленно посмотрел на него кочевник. – Может быть, у мутантов и бывает по-другому. У людей – нет.

Лекарь, похоже, не расслышал его замечания. Костоправ во все глаза пялился на панели солнечных батарей.

– Слышь, Бац-бац, – вновь заговорил он, – это у вас Орда, блин, или передвижная лаборатория?

– Я не Бац-бац, я Батцэцэг, – сухо заметил ордынец. И лишь после этого объяснил: – В Китае кое-что уцелело после Бойни. И китайцы сохранили кое-какие знания. А сейчас те провинции Китая, которые не подвергались бомбардировкам, являются частью Орды. Там удалось найти несколько исправных батарей и подключить их.

«А у нас в княжестве такого добра нет, – не без зависти подумал Виктор. – Да и специалистов, способных обслуживать такое чудо техники, уже не осталось».

Они подъехали ближе, обогнули большой шатер справа, и Виктор с удивлением увидел вытянутый силуэт бронетранспортера, укрытого от солнца под плотным войлочным навесом. Странно... БТР – все-таки тяжелая машина. Она хороша в бою, но не очень практичная, да что там непрактичная – совершенно неподходящая для долгого похода. Даже для не очень долгого.

Если идет своим ходом – жрет уйму топлива, а с горючкой у степняков всегда была напряженка. Если же тянуть такую махину в упряжке – потребуется слишком много быконей, которых, к тому же, придется постоянно менять. Даже для выносливой степной скотинки тащить бронетехнику – тяжелая работа.

Нет, вообще-то в гараже при хоромах Великого Князя Сибирского тоже имелась пара БТРов и даже один танк. Но они предназначались исключительно для обороны города. А

чтобы вот так... кочевать на бронетранспортере. Это мог позволить себе только очень могущественный, влиятельный и богатый ордынец.

У Виктора больше не оставалось сомнений в том, кому принадлежит здоровенный шатер с крышей из солнечных батарей и с тяжелой бронированной «кибиткой» у входа. Но Батцэцэг все же пояснил гостям:

– В великом гэре живет Великий хан.

С кургана, на котором стоял великий гэр Великого хана, съехал всадник. Наездник остановил своего быконя перед Солонгом.

Виктор узнал гонца, направленного к Удугу. Между посланцем и ордынским сотником состоялся короткий и негромкий разговор. Затем Солонг позвал Батцэцэга. Прозвучало еще несколько фраз на чужом языке. Толмач повернулся к Виктору.

– Удуг-хан хочет говорить с тобой, Золотой Викатар, – с неожиданной торжественностью объявил переводчик.

– Прямо сейчас? – Виктор удивился. Не ожидал он такого интереса к своей скромной персоне.

– Прямо сейчас.

– Хорошо, – Виктор пожал плечами. – Если хану надо, поговорим.

– Думаю, это надо и тебе тоже, – глубокомысленно заметил Батцэцэг. – И тебе это надо в первую очередь.

Глава 8

Прежде чем попасть в ханское жилище, пришлось пройти между кострами, разложенными у входного полога и вдохнуть густого вонючего дыма так, что аж глаза заслезились.

– Какого хрена? – недовольно пробурчал Костоправ.

– Огонь очищает души и помыслы, – скупое пояснил Батцэцэг. – В это верили наши предки. А предки были мудры.

«Вообще-то, судя по тому, что они сотворили с планетой, – не очень», – подумал Виктор. Хотя, может быть, толмач имел в виду предков, живших задолго до Бойни.

Многочисленная и молчаливая ханская стража, среди которой оказалось двое Стрельцов с автоматами, тщательно обыскала гостей и забрала оружие даже у Батцэцэга. Только после этого сибиряков пропустили к Удугу.

– Не наступайте на порог, – предупредил переводчик. – Тому, кто коснется ногой порога ханского гэра, сломают хребет.

– Это еще с какого перепугу? – не удержался от вопроса Костоправ.

– Таков обычай, – коротко ответил Батцэцэг. – Так поступали предки.

– Костоправ, делай, что велено, и не болтай лишнего, – осадил Виктор лекаря, вновь открывшего было рот. – Не забывай: мы сейчас не дома, а в гостях.

Через порог они переступали, высоко поднимая ноги. Смотрелось, наверное, это несколько нелепо, но уж лучше так. От греха подальше.

Деревянный каркас ханской юрты-гэра был составлен из прочных, наложенных друг на друга крест-накрест реек, соединенных в крупные секции. Длинные жерди и два толстых, высоких, как колонны, опорных столба поддерживали крышу. К каркасу крепился плотный войлок, которого, впрочем, почти не было видно: жилище хана и снаружи, и изнутри было обшито шкурами соболяка. Те же шкуры лежали и на полу поверх старых поролоновых и резиновых ковриков, синтетических паласов и вытканых уже после Бойни ковров.

В самом центре юрты на голом земляном пятачке стояла ржавая печка-буржуйка с трубой, выведенной наружу через дымоходное отверстие в крыше. Впрочем, сейчас огонь в печке не горел. На улице было не холодно, и обогревать помещение не требовалось.

Небо было пасмурным, и света из дымоходного отверстия внутрь попадало не очень много. Наверное, поэтому на потолке в путанице черных проводов тускло светились лампочки в треснувших абажурах. Электрические лампочки!

Виктор заворуженно уставился на эти неживые искусственные и слабые огоньки. Не зря, ох не зря в Орде имелись солнечные батареи и ветряки. Но то ли они производили совсем уж мало энергии, чтобы полностью осветить весь огромный гэр, то ли электричество привык экономить даже Великий хан. Недостаток электрического освещения восполняли масляные светильники, развешанные по темным углам. Света хватало, чтобы разглядеть хозяина гэра.

Скрестив ноги, Удуг-хан восседал на широком и низком пластиковом кресле-шезлонге, обложенном шкурами соболяков. Это был невысокий, но крепкий ордынец с маленькими черными усиками и узкими глазами, смотрящими в пространство пристально и внимательно. Хан был молод и силен, его взгляд был взглядом умного и уверенного в себе человека.

На Удуге поблескивали богато украшенные доспехи: кольчуга двойного плетения, нагрудник из стальных блях с золотой чеканкой, дополнительные разноцветные вставки из прочного пластика в наиболее уязвимых местах. Голову хана прикрывал легкий шлем. К поясу слева была прицеплена изогнутая сабля с рукоятью, украшенной самоцветными камнями. На специальном крюке в правом наплечнике на узком ремне висел миниатюрный короткоствольный пистолет-пулемет. Куцый ствол выглядывал из подмышки. При необхо-

димости можно было мгновенно схватить оружие и дать смертоносную очередь. В торцовой части рукояти пистолета-пулемета тоже сверкали небольшие, не стесняющие хвата, драгоценные камешки, то ли вклеенные, то ли вмонтированные в металл.

Саблями и такими же, как у хана, укороченными стволами были вооружены два телохранителя-Стрельца, неподвижно стоявшие в гэре у входа.

По правую руку от хана располагалось широкое ложе, а на стене висели седло, сбруя и оружие, в том числе два автомата без рожков, винтовка с оптическим прицелом, как у Батцэцэга, и три пистолета. Левую часть гэра закрывала плотная занавеска.

Батцэцэг велел гостям остановиться, не доходя до очага. Судя по всему, очагом здесь именовалась печка-буржуйка. Приличествующие ситуации поклоны сибиряков походили скорее на почтительные кивки. Хан тоже благожелательно кивнул в ответ.

– Купец, – шепнул толмач Виктору. – Ты ведешь свой обоз, значит, и с великим ханом должен говорить ты.

Виктор не возражал. Лишь бы Удуг не пожелал побеседовать с Костоправом.

* * *

– Подойди к великому хану, – сказал толмач.

Ощутив легкий толчок в спину, Виктор выступил на шаг вперед. Батцэцэг что-то негромко произнес, видимо представляя гостя хану.

Удуг тоже что-то сказал и снова покивал – на этот раз с печально-сочувствующим видом.

– Великий хан сожалеет, что город, в который ты шел торговать, уничтожен, – перевел Батцэцэг, обращаясь к Виктору.

– Ну, спасибо хану, – Виктор немного озадачился от такого начала разговора.

Его короткое «спасибо» Батцэцэг переводил подозрительно долго. Наверное, не преминул добавить что-то от себя и расцветить благодарность более подходящими местному этикету выражениями.

Удуг заговорил снова.

– Великий хан говорит, что его кочевья тоже сильно пострадали от большого набега зеленых демонов и других котловых тварей.

– Сочувствую, – вполне искренне вздохнул Виктор.

И вновь краткий ответ был сдобрен многословным переводом.

Удуг кивнул, видимо принимая сказанное. Опять что-то произнес, недобро прищурившись.

– Великий хан надеется, что его славные нукеры и богатуры в должной мере отомстили котловому отродью и за ваш город, и за наши разоренные кочевья.

– Я тоже надеюсь, – ответил Виктор. – Полагаю, и наш князь в долгу не останется. Сибирская дружина прочешет леса на границе с Большим Котлом.

Об этом стоило упомянуть. Пусть ордынцы не думают, что только у них есть сила.

Толмач перевел. Хан понимающе улыбнулся. Затем завел разговор о другом.

– Великий хан спрашивает, почему ты решил идти в степь?

– Ну, то есть как почему? – вовсе опешил Виктор. – Надо товар сбыть. Назад везти не выгодно, а Приуральского базара больше нет. Вот, сами и наведались к вашим купцам. Разве хану это не по нраву?

– Великий хан рад любой торговле в своих владениях, – перевел ответ Удуга Батцэцэг. – Но его удивляет, что прежде сибирские купцы никогда не приходили со своим товаром в степь...

– Мы не знаем степи, – пожал плечами Виктор. – Мы не знаем, где искать ваши кочевья. Проще было перепродать товар в Приуральске.

– Но ты и твои люди все-таки пришли сюда, – перетолмачил следующую фразу хана Батцэцэг.

– Скажи хану, что у нас не было выбора.

Удуг выслушал ответ и заговорил опять.

– Ты смелый купец, и люди у тебя смелые, – переводил Батцэцэг. – Среди торговцев такие встречаются нечасто. Такие обычно идут в воины. Великий хан таких уважает.

– Так и мы к Великому хану со всем нашим почтением, – ответил Виктор, не понимая еще, куда приведет этот странный разговор.

Снова перевод. Снова благожелательный кивок. И снова – голос хана.

– Великий хан говорит, что ты можешь беспрепятственно продать в его ставку свои товары, получить хороший барыш и вернуться обратно с пограничным разъездом.

– Благодарю хана, – склонил голову Виктор.

Все складывалось даже удачнее, чем он рассчитывал. Но, как оказалось, с благодарностью Виктор все же поспешил: хан еще не закончил.

* * *

Удуг заговорил опять. Батцэцэг перевел.

– Но Великий хан спрашивает, готов ли ты пойти еще дальше и получить еще большую прибыль?

– Дальше? – это было полной неожиданностью. – Куда дальше-то?

Теперь хан говорил долго и неторопливо, давая время Батцэцэгу перетолмачить и пристально глядя в глаза Виктору.

Батцэцэг старательно переводил каждую фразу.

– Великий Удуг-хан считает себя новым воплощением легендарного Чингисхана и чувствует в себе силы исполнить великую миссию и изменить мир.

Громкие и красивые слова. А что стоит за ними – пока непонятно. Виктор слушал, не перебивая.

– Нашим западным дозорам и пограничным туменам становится трудно сдерживать котловую нечисть. А твари из Большого Котла с каждым годом выходят все чаще, пробиваются все дальше и их набеги становятся все опустошительнее.

Ну и?.. Виктор молча ждал продолжения.

– Великий хан хочет расширить свои владения на запад, расчистить опасные территории, оттеснить тварей и основать новый улус в подбрюшье Большого Котла.

Ах, вот в чем дело! Что ж, вполне разумное решение. С одной стороны Орду от тварей защищало бы тогда Сибирское княжество, прикрывающее Уральский Хребет. С другой – буферный улус, который станет для кочевников чем-то вроде порубежных застав сибиряков.

Правда, как оказалось, только лишь созданием нового улуса Удуг решил не ограничиться.

– Великий хан рассчитывает дойти до южных морей и укрепиться там, – продолжал Батцэцэг. – Удуг-хан хочет, чтобы новый улус не только защищал его земли, но и укреплял его власть. Это важный поход, поэтому Великий хан возглавил его лично.

Возглавил? Значит, «важный поход» уже начался.

– Ну, хорошо, а мы-то здесь с какого боку? – не понял Виктор.

Удуг ответил ему через переводчика. Подробно и обстоятельно.

– На южных морях бурлит торговля. Там плавают большие лодки с дорогим товаром. Туда отправлялись многие купцы из Орды. Но лишь немногие возвращались обратно. Так – неправильно.

«А как правильно?» – подумал Виктор. И получил ответ, не успев задать вопроса.

– Это очень богатый край. Когда новый улус соединится с ним и получит выход к южным морям, он тоже будет богатеть, а через него – и вся Орда. Но для этого нужно собрать смелых купцов из разных земель, которые готовы проложить торговый путь через новые владения Великого хана.

Затея была интересной. Виктор крепко задумался. А Удуг все говорил...

* * *

– Мало завоевать новые земли под Большим Котлом, – переводил толмач слова хана, – их надо еще и удержать. Силой одного лишь оружия сделать это будет сложно. Отправлять на котловую границу одних только воинов неразумно и накладно. Но если в новом улусе вместе с воинами появятся купцы, то и остальной народ тоже потянется вслед за ними. На опасных землях поселятся люди, готовые кормить воинов, поддерживать торговлю и тем увеличивать свое собственное благосостояние. А когда новый улус станет местом, через которое будут постоянно ходить торговые караваны, котловые демоны уже не смогут скovyрнуть оттуда людей. Если это будет выгодно, люди мертвой хваткой вцепятся в прикотловую территорию и станут оборонять улус, не только выполняя волю Великого хана, но и по своей собственной воле тоже.

Однако! Виктор мысленно поаплодировал. А Удуг-то мыслит далеко. И широко. И, главное, правильно. Он не просто возомнил себя вторым Чингисханом-завоевателем, он строит планы как дальновидный стратег.

Все верно рассчитал ордынский хан. Во все времена границы берегло не только оружие, но и звонкая монета. Порубежные сибирские дружинники тоже ведь несут опасную службу не только и не столько из страха перед княжеским гневом, а потому что это выгодно им самим. Сибирский князь очень щедро платит порубежникам. Благо, есть с чего...

В скудной степи таких богатств нет. Значит, хану остается одно: наладить выгодную торговлю, которая велась бы вдоль Большого Котла. Тогда купцы в первую очередь будут заинтересованы в том, чтобы караванные пути стали безопасными. И купцы в обеспечение этой самой безопасности вложатся не хуже самого хана. Может быть, не сразу, может быть, со временем, но как только выяснится, что торговля с южными морями приносит хороший барыш, купцы непременно раскошелятся. Отчего сам Удуг опять-таки только выиграет. Земля, на которой кипит торговля, процветала во все времена. Так что новый улус в самом деле не только защитит владения хана от набегов котловых тварей, но и обогатит его.

«Жаль, наш князь не додумался пробиваться к южным морям», – мысленно посетовал Виктор. Впрочем, для этого пришлось бы сначала прорваться через Большой Котел, что, увы, неосуществимо. Или – через приграничные земли Орды. А война со Степью сибирякам не нужна так же, как и степнякам – война с Сибирью.

– Подумай, урус, – обратился через переводчика Удуг к Виктору. – Хорошо подумай. У тебя есть возможность первым из всех сибирских купцов доехать с товаром до богатых южных морей. А тот, кто приходит первым, всегда снимает самые жирные сливки.

Что ж, эту простую истину Виктору объяснять было не нужно.

– Если хочешь посоветоваться со своими людьми, Великий хан даст тебе время, – добавил толмач уже от себя. Так, во всяком случае, показалось Виктору.

Глава 9

На этот раз обозники тоже совещались недолго. Неожиданное предложение ордынского хана было из разряда тех, от которых глупо было бы отказываться – так для себя решил каждый. То, что им удалось выбраться из прикотлового леса в степь, – уже вдохновляло. А уж неведомые южные моря...

Путь, конечно, предстоял нелегкий и опасный – на этот счет никто не обольщался, но риск мог окупиться не сторицей даже – тысячецей.

– Хватить триндеть, короче. Поехали с ханом – и баста, – в обычной своей манере подвел итог Костоправ. Весь негатив по отношению к степнякам у лекаря куда-то улетучился.

Их определили в передвижной караван-сарай. По крайней мере, Батцэцэг, приставленный ханом к сибирякам в качестве толмача, именно так назвал скопище людей в пестрых одеждах, груженных повозок, мобильных навесов и прилавок, телег с водой и снедью, вместительных контейнеров на колесах, быконей и огромных длинношеих трехгорбых животных. Верблюки – так именовали в Приуральске эту диковинную скотину, приходившую иногда с торговыми караванами из ордынских земель.

Разноязыкий купеческий табор, двигавшийся за войском кочевников и охраняемый ханскими нукерами, располагался неподалеку от кургана с шатром Удуга. Видимо, это следовало считать проявлением особой милости со стороны хана к торговым людям.

В караван-сарай купцы имели возможность не только отдыхать и кочевать вслед за ханской ставкой, но и торговать в пути. Чем, собственно, многие сейчас и занимались. В центре караван-сарая шумело торжище, по сравнению с которым базарчики Приуральска и Сибирска казались бедненькими и убогими. Купцы продавали и обменивали свой товар, азартно торгуясь друг с другом и с богатыми ордынцами, толкавшимися на рынке.

Кого здесь только не было!

Как пояснил Батцэцэг, войско Удуга состояло из монголов, китайцев, казахов, узбеков, таджиков, киргизов и урус-монголов, как в Орде называли выходцев с бывших российских территорий от Алтая до Байкала.

Чего здесь только не было!

Оружие. Луки, сабли, мечи, копья, топоры, булавы, самострелы, самопалы и даже изготовленные до Бойни, но основательно уже убитые стволы, по поводу которых А-Ка вынес неутешительный вердикт: «Такое барахло разорвется в руках прежде, чем его пристреляешь». Боеприпасы, большей частью сохранившиеся лучше, чем старое оружие. Доспехи для людей и быконей. Шкуры и ткани, одежда и пища, вино и кумыс, золото и драгоценности, топливо, ходовые запчасти к автоповозкам, седла, упряжь, скот, рабы...

Да, и рабы тоже. Виктор поморщился. Он многое мог понять и принять в торговле, но выше его понимания было то, как можно продавать и покупать людей. Для Сибирского Княжества рабство являлось дикостью, но в Орде оно было в порядке вещей.

* * *

Многолюдство и толчея на ордынском торжище смущали и настораживали. В такой толпе чуть зазеваешься – и запросто можно лишиться товара.

– А-Ка, Костоправ, – окликнул Виктор спутников. – Приглядывайте там за повозками.

– Да приглядываем-приглядываем, – пробасил А-Ка, грозно зыря по сторонам.

– Воров здесь можешь не опасаться, Золотой Викатар, – заверил Батцэцэг. – Уличенным в воровстве, грабеже или обмане купцов Великий хан приказал ломать хребты и бросать в степи. Великому хану нужны порядок и честная торговля.

Хребет ломать – это, конечно, круто.

– И что, действует такая мера? – поинтересовался Виктор.

– С тех пор, как в караван-сарай поймали и прилюдно казнили одного охотника до чужого добра, я о случаях воровства больше не слышал, – ответил толмач.

Похоже, среди ордынцев и в самом деле царил жесткий порядок и железная дисциплина.

Внимание Виктора привлек невысокий и шуплый желтолицый торговец с узкими глазами и суетливыми руками, выставивший на раскладном прилавке три вскрытых и уже наполовину опустошенных цинка с патронами разного калибра. Купец махал широкими руками просторного цветастого халата и что-то непрестанно тараторил. Видимо, расхваливал товар и зазывал покупателей. Покупатели подходили.

Виктор решил, что и им тоже не помешало бы пополнить запас патронов. Того, что он выменял у Батцэцэга под Приуральском, все-таки маловато для дальнего похода. А желтолицый купец торговал довольно бойко. Боеприпасы у него уходили не поштучно даже, а целыми жменями. Судя по всему, цену ордынец сильно не задирает и товар предлагал качественный.

Виктор подошел. Поворошил рукой в цинке, внимательно рассматривая остроконечные цилиндрики. Вроде гильзы не ржавые и не порченые. Брать можно.

– Чего и сколько хочешь за рожок патронов? – спросил он, стараясь сохранять безразличный вид. Уточнил: – Автоматные, семь шестьдесят два...

И спохватился. Басурманин ведь не понимает по-русски! Не в Сибирске же торг идет. И даже не в Приуральске.

Виктор обернулся, собираясь позвать на помощь толмача, но иноземный торговец неожиданно удивил.

– А что у тебя есть для меня? – хитро улыбаясь, спросил купец.

* * *

Надо же! Желтолицый говорил по-русски! Правда, с забавным акцентом и безбожно коверкая слова, но вполне сносно. Что ж, тем лучше.

– Есть сибирская пушнина, – ответил Виктор. И пояснил на всякий случай: – Соболяки. Мех. Шкурки. Есть топливо. Хорошее. Чистое. Тоже из сибирских скважин.

– О, сибирь-человек! – заметно оживился купец. Замахал руками еще сильнее, отчего рукава халата захлопали по воздуху, словно крылья, заулыбался шире. – Сибирь-человек – хорошо! Очень-очень хорошо!

Виктор пожал плечами. Пусть будет сибирь-человек, он не против.

– Как тебя звать? – не унимался торговец. – Твое имя, сибирь-человек?

– Виктор, – представился Виктор.

– Вихта? – переспросил китаец.

– Ну вроде того. Я купец Сибирской гильдии.

– О! Сибирь-человек-купец еще лучше, чем просто сибирь-человек! – резюмировал иноземец.

Его улыбка уже не помещалась на широком плоском лице.

– А ты-то сам откуда? – спросил Виктор.

– Моя – хань-человек. Так моя и мой народ сама себя звать. Хань-народ, хань-человек. Твоя понимать, Вихта?

«Странное самоназвание. Похоже на хана-человек», – подумал Виктор, недоуменно глядя на многословного собеседника и усиленно вспоминая, что это за народ такой чудной. Который – хана.

– Еще моя и моя народ называться чайна-человек... – продолжал тот.
«Чайный человек?» – удивление Виктора росло.
– Или китай-человек.
– А-а-а! Китаец?! – догадался наконец Виктор.
– Китай, Китай, Китай... – радостно и часто закивал «хань-чайна». После чего добавил:
– Моя китай-человек-купец. Как твоя сибирь-человек-купец.
– Ну это ясно, – хмыкнул Виктор. – Коллеги, в общем. А имя у тебя есть, хань-чайна-китай-человек-купец?

Китаец стукнул себя в тощую грудь:

– Моя Ся-цзы, – объявил он.

Вот и познакомились.

– Откуда наш язык знаешь? – спросил Виктор. Этот смешной, улыбчивый и общительный китаец понравился ему сразу. Да и знание языка подкупало.

– Моя за твоя Байкала и за твоя Тунгуска ходить, – опять затараторил «китай-человек» Ся-цзы, на этот раз гордо выпятив свою цыплячью грудь. – Потому моя твоя язык знать, Вихта. Моя хорошо торговать с сибирь-человек. А хорошо торговать – значит, хорошо говорить.

Понятненько. Китаец, оказывается, вел торговлю где-то на юго-восточных и восточных границах Сибирского княжества. Там, видать, и научился лопотать по-русски.

– Слушай, Ся-цзы, а что у вас сейчас в Китае творится? – Виктор не удержался еще от одного вопроса, не имевшего никакого отношения к предстоящей сделке.

О мире, раскинувшемся за пределами сибирских лесов, приходили скудные, обрывочные и зачастую противоречивые сведения. Виктора же всегда интересовало, что происходит вне родного Княжества.

Ся-цзы зацокал языком и скорбно покачал головой.

– Запад-Китай – Большая-большая Котел, – печально заговорил он. – Большая и Страшная. Как твоя Котел за Урал-гора. Даже больше и страшнее, чем твоя, Вихта. Много-много мутанта-зверь, мутанта-птица, мутанта-рыба. Много мутанта-дикарь-человек. Мутанта-тварь часто приходит из Запад-Китай. Восток-Китай – жить можно. Правда, плохой жизнь, но можно. А за Восток-Китай еще один Большая Индус-Котел. Тоже много всякий мутанта.

Индус-Котел? Вероятно, китаец имел в виду Индию. Виктор как-то слышал от Сказителя о стране с таким названием.

Купец вздохнул:

– Мутанта везде много, а китай-человек совсем мало. Между два Большая Котел страшно. С хан Удуг не так страшно. Поэтому моя уходить из Восток-Китай и ходить с хан Удуг.

Виктор сочувственно кивнул. И в чужих землях, оказывается, жизнь не сахар. Видать, по Китаю и Индии, как и по России, в свое время тоже неслабо долбанули. И наверняка ведь не только там бурлят сейчас Котлы. Terra Mutantica, должно быть, расползается по всей планете. Как болезненная опухоль. Или уже как трупные пятна?

Виктор тряхнул головой, отгоняя тоскливые мысли. Ладно, поболтали – и хватит. О грустном – так точно хватит. Делом пора заняться...

– Так что хочешь за патроны, китай-человек? – вернулся он к началу разговора.

* * *

Китайца словно подменили. Он вновь стал прежним улыбчивым, любезным и плутоватым торговцем. Ся-цзы больше не сокрушался о судьбе Китая и несчастных китайцев. Все его мысли теперь были направлены на другое.

– Моя патрона – хороший патрона, Вихта, – чувствуя интерес покупателя к своему товару, затараторил иноземец. – Очень-очень хороший. Далеко пуля кидать. Сильно-больно бить.

Собственно, «хороший патрона» был обычным автоматным боеприпасом. Но купец, конечно, не был бы купцом, если бы не приукрашивал и не расхваливал свой товар.

– Китайский патрона! – не умолкал Ся-цзы. – Самый-самый лучший-лучший качество. Все-все про это знать, любой так для твоя сказать.

– А где ж ты взял-то эти патроны? – поинтересовался как бы между прочим Виктор.

– Старая секретная склада, – уклончиво ответил собеседник. – Дорого стоит для моя. Но для твоя буду дешево отдавать, сибирь-человек...

Торговаться пришлось долго, яростно и зло, забыв о симпатии, возникшей к забавному китайцу. Все-таки свой интерес тоже нужно блюсти. В итоге сговорились на трех соболяковых шкурках за тридцать патронов.

Виктор остался доволен сделкой. Еще бы! В Приуральске и уж тем более в Сибирске-на-Оби о такой цене можно было только мечтать. Мелькнула даже мыслишка: а может, ну его, этот поход к южным морям. Не проще ли сбыть весь товар в ордынском караван-сараяе и вернуться домой с неплохим барышом?

Впрочем, Виктор сразу же отказался от этой мысли. И дело тут не только в наживе. Слишком манили его далекие неведомые земли. Да и Ся-цзы как-то не выглядел опечаленным сделкой. Скорее, наоборот. Видать, тоже неслабо наварился на редком в ордынских степях сибирском товаре. А ведь пронырливый китаец знает местный рынок и местные цены. Может быть, он даже имеет представление о том, что и сколько стоит в портах южных морей.

Словно в подтверждение этих мыслей Ся-цзы заговорил снова – вкрадчиво так, с приторной улыбкой на лице.

– Вихта, моя вот что думать для твоя. Зачем твоя ходить в далекий дорога? Лучше продать для моя вся твоя товар! Моя платить хороший цена. Твоя сразу возвращаться домой, а моя – идти дальше вместо твоя. Давай делать так, сибирь-человек? Твоя сразу становиться умный-умный-человек.

Все это китаец выпалил быстро, не переставая улыбаться во весь рот. И не понять – то ли в шутку он предлагает, то ли всерьез. Наверное, и всерьез тоже. Виктор хорошо понимал замысел «китай-человека». Скупить ценный товар, не заезжая в Сибирское княжество, а потом перепродать его на южных базарах. Наверное, на этом можно неплохо заработать.

Только какой смысл отдавать барыш другому?

Становиться умный-умный-человек Виктор не захотел.

– Нет, дорогой, – Виктор тоже улыбнулся китайцу, – вместе пойдем с ханом. Вместе торговать будем.

– Как твоя хотеть, сибирь-человек, – вздохнул Ся-цзы. – Моя для твоя хороший мысля предлагать. Твоя отказаться. Моя – слово, твоя – дела.

Кажется, он все-таки расстроился.

– Да ладно тебе, – Виктор похлопал купца по худому острому плечу. – Не дуйся. Южных морей на всех хватит.

Китаец махнул рукой, вяло улыбнулся:

– Моя не дуться, Вихта. Моя хотеть дружба с сибирь-человек. Пусть твоя сегодня вечер приходить чай пить и беседа говорить.

«Чайный человек зовет чай пить», – Виктору даже стало смешно.

– Моя тама вона жить, – китаец указал на большую островерхую повозку с нависающей над огромными колесами миниатюрной терраской, увешанной разноцветными бумажными фонариками и прикрытой от солнца соломенным зонтиком.

– Спасибо за приглашение, Ся-цзы – кивнул Виктор, радуясь, что мир восстановлен. –
Непременно заскочу в гости.

Глава 10

– Ну и какого ты с этим желторожим лясы точил? – недовольно осведомился изведшийся от безделья Костоправ. – Столько времени коту под хвост!

– Коллега, – пожал плечами Виктор. – Китайский купец.

– Ишь ты! – удивился А-Ка. – Китайский!

– Китайский, монгольский, казахский – один хрен! – сварливо заметил Костоправ. – Орда – она и есть Орда.

Лекарь был прав. Ордынские степи давно стали своего рода тиглем, где в единое целое сплавливались пестрые разноязыкие массы – уцелевшие после Бойни остатки некогда многочисленных народов. Костяком государства кочевников являлись монгольские кланы, но едва ли они сейчас составляли хотя бы треть подданных Удуг-хана.

– Китаец, между прочим, по-нашему шпарит, – сказал Виктор. – Потешно так говорит, но понять можно.

– Ну, ты, блин, Золотой, на любом базаре себе дружков найдешь! – фыркнул Костоправ.

– Это не дружок, а деловой партнер, – пояснил Виктор. И повернулся к Стрельцу. – А-Ка, отдай китайцу трех соболяков и выбери тридцать патронов к калашу.

– Три на тридцать? – присвистнул А-Ка. – Хороший курс!

– Я так подозреваю, что будет еще лучше, – улыбнулся Виктор.

На следующий день в лагере началась суeta. Батцэцэг сообщил, что вернулись все карательные отряды, брошенные Удугом против котловых тварей, а усиленные дальние дозоры разведали дорогу к подбрюшью зауральского Большого Котла. Вроде бы серьезных препятствий на пути обнаружено не было.

Ордынское войско тронулось в путь. Снялась с места ханская ставка. За ней двинулись купеческие обозы. Орда шла на запад. И то, как она шла, нужно было видеть.

Снова, как много столетий назад, Великая Степь выплескивала вовне новых гуннов и новых монголов.

Передовой тумен, закрывшись со всех сторон дозорами, ушел далеко вперед. Основные силы Удуга растянулись по степи гигантским полумесяцем, рога которого готовы были охватить с флангов и с ходу смести любого противника. Хан словно вел свое войско не в поход, а на облавную охоту.

Иногда где-то вдали звучали выстрелы – очень редкие, как правило, одиночные, едва-едва различимые на таком расстоянии. До центральных ордынских порядков стрельба не докатывалась.

Передвижную ставку Удуга прикрывала нукерская гвардия и лучшие ордынские воины-богатуры. Сам великий хан ехал в бронированной колеснице-БТРе, которую тянула упряжка из пары десятков сильных быков, менявшихся каждые три часа. Многочисленные телохранители защищали подчиненных Удугу ханов и князьков-нойонов. К тянувшемуся позади купеческому обозу тоже была приставлена надежная охрана.

Повсюду сновали вооруженные копьями, саблями и луками всадники. Изредка то тут, то там появлялись ордынские Стрельцы с автоматами, винтовками, карабинами и ружьями. От пестрых одежд, металлических, кожаных и пластиковых доспехов рябило в глазах. Однако разношерстные и разноязыкие степняки были дисциплинированными и хорошо организованными воинами, беспрекословно подчиняющимися единому командованию: слаженность действий кочевой армии в походе трудно было не заметить.

Упряжные быконы везли тяжелые повозки. Размеренно ступали, покачиваясь всем телом и бросая на окружающих надменные взгляды, флегматичные горбатые верблюды, груженные тюками и свертками. За боевыми отрядами двигались, на ходу пощипывая сухую

траву, табуны запасных быконой. Вооруженные пастухи берегли животных, прикрывали их и присматривали за ними, не давая отбиться в пути ни одному жеребенку. Перекрикивались друг с другом и кричали на скотину люди. Скрипели колеса, редко и коротко взрыкивали старыми кашляющими двигателями автоповозки, вытягивая застрявшие кибитки.

Купеческие обозы пока без особых проблем поспевали за войском кочевников, но Удуг все же предупредил, что отстающих ждать не намерен. А отстать и остаться в одиночестве возле Большого Котла, посреди открытой степи не хотелось никому. Никто и не отставал.

Орда двигалась на запад, неспеша и неумолимо.

* * *

Первый день пути не принес никаких тревог. Ордынцы не подпускали котловых мутантов к купеческому обозу. Все было спокойно. Виктор еще больше сдружился с Ся-цзы и пристроил свои повозки по соседству.

Когда китаец окончательно уяснил, что «сибирь-человек» не собирается сбывать ему свой товар, а намерен дойти до южных морей сам и сделать с этим ничего нельзя, к желтолицему купцу вернулось прежнее благодушие. Ся-цзы принял упорство Виктора с философским спокойствием и больше не пытался его ни в чем убеждать.

Пару раз они пили ароматный чай в диковинной кибитке Ся-цзы. Раза три китаец заглядывал в гости к сибирякам, правда, так и не сумев наладить отношения с Костоправом, с которым вообще трудно было найти общий язык.

Как выяснилось, товара у китайца было не очень много, зато его оберегала многочисленная и хорошо вооруженная охрана. Это были неразговорчивые и суровые на вид ребята. Тоже желтолицые, с узким разрезом глаз. Видимо, тоже китайцы. Все – невысокие, но жилистые, крепкие, шустрые и подтянутые бойцы, умеющие обращаться с оружием. В их арсенале имелись хитроумные стрелометы, метательные изогнутые лезвия и пластины, диковинные сабли, крючья, ножи, копья и алебарды. Виктор разок понаблюдав за тренировкой охранников Ся-цзы, и увиденное его впечатлило.

Среди китайцев-охранников было аж целых четыре Стрельца. Да и сам Ся-цзы частенько расхаживал с каким-то короткоствольным и многозарядным автоматом. Ну а с боеприпасами у того, кто ими торгует, наверное, проблем нет.

Возможно, плата наемникам съедала у осторожного Ся-цзы львиную часть торгового навару, а может быть, и нет. Может быть, услуги опытного охранника в Орде стоят дешевле, чем в Сибирском княжестве. В любом случае подобная охрана гарантировала максимальную безопасность. Собственно, это было главной причиной, по которой Виктор решил держаться поближе к китайцам. Если во время похода какой-нибудь мутант прорвется к обозам, вместе будет легче отбиться.

Да что там отбиться! С такой дружиной и с таким арсеналом Ся-цзы вполне мог рискнуть дойти до Южных морей и сам, без Удуг-хана. С ханом-то оно, конечно, надежнее будет, и можно обойтись без потерь, но все же...

А, собственно, кто сказал, что Ся-цзы туда не ходил? Удуг в разговоре с Виктором упомянул, что некоторые ордынские купцы побывали у Южных морей. Хан, правда, признался, что возвращались оттуда немногие. Но ведь возвращались же! Кто-то да возвращался...

Уж очень настырно Ся-цзы упрашивал продать сибирский товар. Словно знал наперед, причем точно знал, что сможет получить за купленное у сибиряков намного больше.

Так, может, и правда знал?

В этом случае тем более следует дружить с китайцем. Знающий человек в чужих землях дорогого стоит. А уж если что – потом сочтемся. Виктор твердо решил отблагодарить китайца за любую помощь с его стороны. О чем и намекнул Ся-цзы.

Тот по своему обыкновению расплылся в улыбке и часто-часто закивал.

– Хорошо, Вихта, хорошо. Сибирь-человек помогать китай-человек. Китай-человек помогать сибирь-человек.

Правда, на прямой вопрос, не пробовал ли Ся-цзы добраться до Южных морей самостоятельно, «китай-человек» сделал большие – ну настолько большие, насколько это было возможно для китайца, глаза, отчаянно замахал руками и быстро залопотал:

– Сам – нельзя! Никак нельзя! Только с хан Удуг на юг-море можно! Сам – далеко-опасно-страшно!

А уже на следующий день Виктор получил возможность убедиться, как опасна дорога к Южным морям.

* * *

Первой ласточкой стали враны. Да уж, ласточкой... Адской такой. Черной и страшной.

Огромная – гораздо больше той, что вилась над Приуральском – стая появилась со стороны Котла – с севера. Ордынцы, купцы и купеческая охрана засуетились, готовясь к бою.

Враны на большой высоте облетели главные силы ордынского войска, обогнули ханскую ставку и, видимо, сочтя тыловой обоз легкой добычей, обрушились сверху на него.

Отбиваться пришлось в движении, с повозок и седел: Удуг-хан запретил останавливаться.

Грохотали бомбарды, бухали ручницы-самопалы, стреляли автоматы и ружья, щелкали тетивы луков и стрелометов. Летели во все стороны перья, падали на землю черные тушки и бились между повозками подранки, которых движущийся обоз топтал копытами и давил колесами.

Сибиряки тоже вступили в бой, правда, на этот раз непосредственной опасности для них не было: обе повозки Виктора держались ближе к центру, а враны в основном атаковали обозный хвост. Но атаковали настырно.

Крупные черные птицы нападали снова и снова. То ли были голодными донельзя, то ли вранам придавала уверенности их численность.

Отстала стая, лишь потеряв с полсотни птиц и отбив у передвижного Караван-сарая полтора десятка быконей, одного верблюда и дюжину охранников. Задерживаться и драться за трупы никто не стал. Даже оружие собирать было рискованно. Погибших людей и скотину так и оставили в сухой траве. В конце концов, враны черным покрывалом опустились на степь позади обоза и принялись с одинаковым остервенением терзать вырванную у Орды добычу и собственных убитых и раненых сородичей.

Залетная стая из Котла отвлеклась. Но вот надолго ли?

После нападения вранов ордынцы стали чаще поглядывать на небо. Может быть, поэтому и не заметили новой напасти.

* * *

Небольшие неприметные кочки, поросшие травой, взорвались пыльными фонтанами под самыми копытами быконей и колесами повозок. Что-то темное, длинное, щетинистое наметалось над землей. Какие-то стремительные существа, похожие одновременно на кро- тов и лохматых змей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.